V 12/624

Ардашев

V 12/624

Проф. П. Н. АРДАШЕВЪ.

V 12/624

ТРЕТІЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1913.

V 12/624.

Проф. П. Н. АРДАШЕВЪ.

ТРЕТІЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ
XIII-35951

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1913.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1913 годъ.

Послѣдній международный конгрессъ историковъ, имѣвшій мѣсто въ Лондонѣ, въ апрѣлѣ текущаго года, является третьимъ по счету. Если не считать предварительнаго конгресса въ 1898 г. въ Гагѣ, первый конгрессъ имѣлъ мѣсто въ 1903 г. въ Римѣ, слѣдующій—въ 1908 г. въ Берлинѣ и наконецъ послѣдній—въ текущемъ году въ Лондонѣ. Въ силу установившейся пятилѣтней періодичности, слѣдующій конгрессъ предположенъ въ 1918 г. въ Петербургѣ. Многіе ожидали, что ближайшая очередь послѣ Рима и Берлина будетъ за Парижемъ, но со стороны французовъ не было проявлено особеннаго расположенія къ приглашенію конгресса во Францію, и это создало благопріятную почву для русскаго приглашенія; но объ этомъ болѣе подробно—впереди, а теперь займемся самимъ лондонскимъ конгрессомъ. Ниже я остановлюсь болѣе подробно на исторіи русскаго приглашенія, равно какъ и на другомъ „русскомъ" вопросѣ, поднятомъ на лондонскомъ конгрессѣ: именно—на вопросѣ о русскомъ языкѣ на будущихъ международныхъ историческихъ конгрессахъ. Отмѣчаю оба послѣдніе пункта пока лишь для того, чтобы подчеркнуть особый, независимо отъ чисто научнаго, интересъ, представляемый послѣднимъ лондонскимъ конгрессомъ для насъ, русскихъ: я хочу сказать—не только для русскаго ученаго міра, но и для широкихъ круговъ образованнаго русскаго общества. Мысль моя станетъ гораздо яснѣе для читателя изъ дальнѣйшаго.

Въ своемъ изложеніи я остановлюсь сначала на организаціонной сторонѣ лондонскаго конгресса, затѣмъ перейду къ краткой характеристикѣ его научно-дѣловой стороны, далѣе—позволю себѣ остановить вниманіе читателя на той сторонѣ послѣдняго конгресса, которой, какъ мнѣ кажется, онъ особенно характерно отличается отъ предыдущихъ историческихъ конгрессовъ, и которую я назову культурно-общественной. Въ заключеніе посвящу нѣсколько страницъ выдвинувшимся на

лондонскомъ конгрессѣ двумъ „русскимъ“ вопросамъ: вопросу о русскомъ языкѣ и о русскомъ приглашеніи.

I.

Организація и личный составъ конгресса.

При всей своей дѣловитости, англичане, какъ извѣстно, не пренебрегаютъ, гдѣ нужно, и декоративной стороной. Въ дѣлѣ организаціи международнаго историческаго конгресса къ этой сторонѣ дѣла они, видимо, отнеслись съ особымъ вниманіемъ. Поверхъ чисто дѣловой организаціи они соорудили пышную декоративную надстройку, придавшую ученому конгрессу большой декорумъ и блескъ.

Списокъ личнаго состава конгресса начинается именами короля Георга V, какъ „патрона конгресса“, и принцессы Луизы, какъ „президента дамскаго комитета“. Затѣмъ слѣдуетъ президентъ конгресса, Джемсъ Брайсъ (James Bryce), извѣстный историкъ, авторъ „Священной Римской Имперіи“ и „Американской республики“ (сба сочиненія имѣются въ русскомъ переводѣ), въ настоящую пору занимающій высокій офиціальный постъ британскаго посла въ Вашингтонѣ,—лицо, соединяющее, такимъ образомъ, съ ученой извѣстностью извѣстную декоративность. Имя Брайса, впрочемъ, фигурировало лишь въ спикахъ, такъ какъ самъ Брайсъ на конгрессъ не пріѣхалъ, „задержанный въ Вашингтонѣ государственными дѣлами“, какъ было заявлено въ привѣтственной рѣчи, произнесенной при открытіи конгресса его „дѣйствительнымъ президентомъ“ (acting President), профессоромъ Кэмбриджскаго университета и президентомъ Британской Академіи, А. В. Уордомъ (A. W. Ward), который и стоялъ фактически во главѣ конгресса. Если самъ проф. Уордъ представлялъ собою лишь крупное ученое имя, безъ всякаго иного декорума, то это имя было окружено пышнымъ декоративнымъ вѣнкомъ изъ цѣлаго ряда громкихъ въ культурно-общественной жизни Англіи именъ. Въ качествѣ вице-президентовъ конгресса фигурировали: архіепископъ Кентерберійскій, лордъ Розбери, лордъ Бьючемъ (Beauchamp), лордъ Керзонъ (Curzon), лордъ Морлей, лордъ Strathcona, лордъ Fitzmaurice, министръ иностранныхъ дѣлъ сэръ Эдуардъ Грей, сэръ Джорджъ Тревельянъ, Бальфуръ, „президентъ вѣдомства воспитанія“ (министръ народнаго просвѣщенія) J. A. Pease, sir George Reid, лондонскій лордъ-мэръ sir David Burnett, sir Richard Mackenzie, лордъ Cheylesmore, sir Archibald Geikie (президентъ Королевскаго Общества), the venerable Archdeacon Cunningham (президентъ Королевскаго Историческаго Общества) и sir Hercules Read

(президентъ Археологическаго Общества). Казначеемъ конгресса являлось также лицо достаточно декоративное—sir George Wyatt Truscott, бывшій лордъ-мэръ Лондона. Списокъ этотъ, впрочемъ, обращаетъ вниманіе не столько своими громкими именами, сколько тѣмъ, что онъ ярко иллюстрируетъ необыкновенное уваженіе англичанъ къ наукѣ и къ людямъ науки. Министры, лорды, наконецъ архіепископъ Кентерберійскій, второе лицо послѣ короля по своему почетному положенію въ Англіи,—всѣ они нисколько не считаютъ „невмѣстнымъ" для себя состоять товарищами предсѣдателя при предсѣдателѣ, который—просто профессоръ и только. Это одна изъ тѣхъ характерныхъ мелочей, которыя на каждомъ шагу поражаютъ иностранца въ Англіи.

Что касается дѣловой стороны организаціи конгресса, то она представляла собою зданіе въ три яруса. Верхній ярусъ, это—*Генеральный Организаціонный Комитетъ* (*General Organizing Committee*); слѣдующій ярусъ—*Исполнительный Комитетъ* (*Executive Committee*), и наконецъ—нижній ярусъ, это примыкающіе къ послѣднему три спеціальныхъ комитета: *Финансовый* (*Finance Committee*), *Комитетъ по пріему гостей* (*Reception Committee*) и, наконецъ, *Дамскій Комитетъ* (*Ladies Committee*).

Генеральный Организаціонный Комитетъ состоялъ изъ семи делегатовъ Британской Академіи, которая собственно и стояла во главѣ всего дѣла, совмѣстно съ Королевскимъ Историческимъ Обществомъ, имѣвшимъ въ Комитетѣ трехъ представителей. Затѣмъ лондонское Археологическое Общество имѣло двухъ представителей. Остальныя ученыя общества, научно-учебныя учрежденія, считая въ томъ числѣ тридцать два англійскихъ университета (включая въ это число и университеты Индіи и колоній) и другія учрежденія были представлены каждое однимъ делегатомъ въ Организаціонномъ Комитетѣ. Послѣдній насчитывалъ 94 члена, которые представляли собою 84 учрежденія. Интересно отмѣтить, что, на ряду съ университетами и учеными обществами, въ Комитетѣ были представлены министерство иностранныхъ дѣлъ (the Foreign Office), министерство по дѣламъ Индіи (India Office), министерство колоній (Colonial Office), корпорація Лондонскаго Сити (the Corporation of the City of London), Совѣтъ лондонскаго графства (the London County Council). Затѣмъ, что касается собственно ученыхъ обществъ, представленныхъ въ Комитетѣ, то въ числѣ ихъ, на ряду съ „историческими", „археологическими", „палеографическими", „нумизматическими", „статистическими", „экономическими", „соціологическими" и т. д., имѣющими болѣе или менѣе близкое касательство

къ исторической наукѣ, фигурируютъ и такія, какъ Королевская Академія Художествъ (the Royal Academy of Arts), Королевскій Медицинскій Колледжъ (the Royal College of Physicians), Королевское Общество британскихъ скульпторовъ (the Royal Society of British Sculptors), Королевскій Институтъ британскихъ зодчихъ (the Royal Institute of British Architects), Королевское Географическое Общество (the Royal Geographical Society), и др.

Судя по составу своему, Генеральный Организаціонный Комитетъ представлялъ собою не что иное, какъ временную организацію для подготовки конгресса, и въ качествѣ таковой онъ, несомнѣнно, сыгралъ свою роль; но какъ единая коллегія, онъ могъ собраться лишь съ открытіемъ конгресса. Впрочемъ, мнѣ неизвѣстно, собирался ли онъ фактически. Несомнѣнно однако, что, по своей многолюдности и громоздкости, онъ былъ совершенно непригоденъ для руководства конгрессомъ. Эта послѣдняя роль выпала на долю не столь многолюднаго и менѣе пестраго по своему составу—*Исполнительнаго Комитета*, составлявшаго, такъ сказать, ядро Организаціоннаго Комитета. Ядромъ же самого Исполнительнаго Комитета являлись семь представителей Британской Академіи, съ своимъ президентомъ, проф. Уордомъ во главѣ (онъ же и президентъ конгресса), и съ своимъ секретаремъ (онъ же и секретарь конгресса). Затѣмъ сюда вошли три представителя Королевскаго Историческаго Общества и по одному представителю отъ обществъ: Королевскаго (Royal Society), Лондонскаго Археологическаго, Королевскаго Географическаго, Lincoln's Inn, the Honourable Society of Cymmrodorion, the Selden Society, the Folklore Society, the Historical Association, the Society for the Promotion of Hellenic Studies, the Society for the Promotion of Roman Studies, отъ пяти университетовъ: Оксфордскаго, Кэмбриджскаго, Лондонскаго (отъ двухъ его колледжей: University Colledge и King's College) и Мэнчестерскаго, а также по одному отъ Британскаго Музея, отъ колоніальнаго министерства, отъ лондонскаго Сити и отъ Совѣта лондонскаго графства. Всего Исполнительный Комитетъ считалъ тридцать членовъ, но фактически дѣло велъ конечно главнымъ образомъ президіумъ Комитета, состоявшій изъ предсѣдателя (проф. Уордъ, онъ же и фактическій президентъ конгресса), двухъ товарищей (Vice-Chairmen): кэмбриджскаго профессора George Walter Prothero и оксфордскаго (бывшаго московскаго) профессора Павла Гавриловича Виноградова, и секретаря (онъ же секретарь Британской Академіи), проф. Голланча (Gollancz)—всѣ четверо делегаты Британской Академіи въ

Организаціонномъ Комитетѣ. Кромѣ секретаря по общимъ дѣламъ, Исполнительный Комитетъ имѣлъ еще спеціальнаго секретаря для докладовъ (Secretary for Papers) въ лицѣ кэмбриджскаго профессора Уитнея (Whitney): это былъ единственный членъ президіума изъ лицъ постороннихъ Британской Академіи. Уже одна эта подробность достаточно подчеркиваетъ руководящую и, такъ сказать, хозяйскую роль Британской Академіи въ дѣлѣ организаціи конгресса.

Что касается трехъ названныхъ выше спеціальныхъ комитетовъ, то личный составъ ихъ, повидимому, выяснился лишь послѣ начала конгресса, судя по тому, что въ напечатанномъ къ открытію конгресса спискѣ личнаго состава комитетовъ въ данномъ случаѣ фигурировали лишь по два имени въ каждомъ изъ трехъ названныхъ комитетовъ, именно—имена предсѣдателей ихъ и секретарей: въ Финансовомъ Комитетѣ—предсѣдатель (Chairman) Mr. W. Phené Neal, секретарь—Mr. B. Kettle; въ Комитетѣ по пріему гостей—предсѣдатель проф. Prothero, секретарь—Mr. A. Forbes Sieveking, и въ Дамскомъ Комитетѣ—предсѣдатель миссисъ Holman-Hunt и два секретаря, миссъ Alice Gardner и миссъ Emma Gollancz. Любопытно отмѣтить, что тогда какъ всѣ названные члены бюро первыхъ двухъ комитетовъ (финансоваго и по пріему гостей) входили въ составъ какъ Исполнительнаго, такъ и Организаціоннаго Комитета, члены бюро Дамскаго Комитета не входили въ составъ ни того, ни другого. Такимъ образомъ, Дамскій Комитетъ, не смотря на высокое предсѣдательство (почетнымъ президентомъ его состояла, какъ уже было сказано, принцесса Луиза), занималъ положеніе не вполнѣ равноправное съ „мужскими“ комитетами.

Изъ приведеннаго бѣглаго очерка организаціонной стороны лондонскаго историческаго конгресса можно, какъ мнѣ кажется, сдѣлать тотъ выводъ, что устроителями его руководили, кромѣ чисто научныхъ соображеній, еще и соображенія иного порядка. Во-первыхъ, видимо, стремились придать конгрессу извѣстную импозантность и внѣшній блескъ; отсюда—та выдающаяся роль, которая отведена парадной и декоративной сторонѣ въ составѣ президіума конгресса. Во-вторыхъ, видимо, имѣлось въ виду, не ограничиваясь чисто научными заданіями, придать конгрессу болѣе широкій въ культурно-общественномъ смыслѣ характеръ; отсюда—это широкое представительство въ Организаціонномъ Комитетѣ, на ряду съ чисто учеными учрежденіями и организаціями, организацій и учрежденій изъ иныхъ культурныхъ и общественныхъ сферъ. Наконецъ, бросается въ глаза

стремленіе наложить на международный научный конгрессъ яркій англійскій отпечатокъ; отсюда—чисто англійскій составъ организаціоннаго и преобладающій англійскій составъ другихъ комитетовъ. Наличность въ составѣ Организаціоннаго Комитета нашего соотечественника П. Г. Виноградова не измѣняетъ существа дѣла, такъ какъ П. Г. Виноградовъ (кстати сказать—единственный „иностранецъ" въ составѣ Комитета) засѣдалъ тамъ въ качествѣ делегата Британской Академіи и, слѣдовательно, на правахъ англичанина, а не русскаго. Что касается Исполнительнаго Комитета, то онъ былъ пополненъ иностранными представителями, по одному отъ каждой секціи, лишь послѣ открытія конгресса, и это запоздалое и слабое пополненіе комитета международнымъ элементомъ мало измѣняло дѣло, такъ какъ, въ качествѣ новичковъ, не будучи въ курсѣ дѣлъ и при томъ составляя меньшинство Комитета, новые члены не могли играть въ немъ сколько-нибудь вліятельной роли, которая всецѣло оставалась за англійскими его членами.

Что касается состава самого конгресса, то онъ, конечно, не могъ быть въ такой же мѣрѣ, какъ Организаціонный Комитетъ, „англійскимъ": тѣмъ не менѣе англійскій элементъ игралъ въ немъ не только преобладающую, но можно даже сказать—подавляющую роль; англичане составляли не менѣе трехъ четвертей всего личнаго состава этого международнаго конгресса. Въ гладкихъ цифрахъ можно считать, что изъ тысячи членовъ конгресса около 750 приходилось на англичанъ и только около 250 на остальныя націи. Беру круглыя, приблизительныя цифры, такъ какъ точной цифры конгрессистовъ во время съѣзда опубликовано не было, а временный списокъ членовъ, напечатанный въ началѣ конгресса и заключающій въ себѣ до 900 именъ, грѣшитъ многими неточностями и пробѣлами; во всякомъ случаѣ число не попавшихъ въ списокъ членовъ конгресса можно принять смѣло до 100, если не болѣе. О значительности пропусковъ можно судить хотя бы по тому, что изъ числа двухсотъ (беру круглую цифру) докладчиковъ до 25 не попали въ печатный списокъ членовъ конгресса. По національному своему составу, насколько можно судить по опубликованному (неполному) списку, конгрессъ представляется въ слѣдующемъ видѣ (цифры приблизительныя, частью закругленныя): Англія—750 чел., Германія 70 чел., Россія 30 чел. (считая нѣсколько русскихъ поляковъ и одного финляндца), Франція—25 чел., Австро-Венгрія—25 чел., Италія—15 чел., Швеція и Бельгія по 8 чел., Голландія—7 чел., Норвегія—6 чел., Швейцарія и Испанія—по 3 чел.,

Греція—2 чел., Данія, Португалія и Румынія—по одному человѣку. Изъ внѣ-европейскихъ странъ—Америка прислала до 35 чел. (включая Канаду и Южную Америку) и Азія—семь чел. Такимъ образомъ, Россія на лондонскомъ конгрессѣ заняла, по числу своихъ делегатовъ, третье мѣсто — послѣ Англіи и Германіи, и впереди Австро-Венгріи и Франціи [1]), которая, казалось бы, какъ въ виду своей географической близости, такъ и въ виду многочисленныхъ историческихъ и современныхъ культурныхъ связей съ Англіей, должна была бы занять первое мѣсто послѣ Англіи по числу своихъ делегатовъ. На предыдущемъ, берлинскомъ конгрессѣ французы точно также играли очень скромную роль и обращали на себя вниманіе, главнымъ образомъ, своей малочисленностью. Но это тогда объясняли вполнѣ понятными политическими мотивами, о которыхъ, правда, говорить въ ученыхъ кругахъ не принято, и сами французы объясняли свой абсентеизмъ... боязнью берлинскаго лѣтняго зноя (дѣло было въ іюлѣ). Въ Лондонѣ фигурировало другое объясненіе. Проф. Бемонъ и др. французскіе делегаты, къ которымъ я обращался съ моимъ недоумѣніемъ относительно крайней малочисленности французскихъ ученыхъ на лондонскомъ конгрессѣ, указывали на два обстоятельства: первое, это—неудобное время, въ виду того, что лондонскій конгрессъ совпалъ съ учебными занятіями, второе—что французы получили слишкомъ поздно приглашеніе на конгрессъ. На мое изумленіе, какъ это могло случиться, что сосѣди англичанъ получили приглашеніе позднѣе, чѣмъ, напримѣръ, мы, русскіе, проф. Бемонъ отвѣтилъ приблизительно слѣдующее. Англичане отправили во Францію свои приглашенія своевременно, при чемъ адресовали свои приглашенія, какъ и всюду, непосредственно университетамъ и другимъ ученымъ учрежденіямъ. „Англичане при этомъ забыли, говорилъ проф. Бемонъ, что мы живемъ въ странѣ административной централизаціи. У насъ всѣ университеты и ученыя учрежденія непосредственно подчинены министру народнаго просвѣщенія и съ внѣшнимъ міромъ сносятся исключительно черезъ посредство министерства. Что же произошло? Англійскія приглашенія,

[1]) Въ краткой замѣткѣ о лондонскомъ конгрессѣ, помѣщенной въ *Revue Historique* (май—іюнь, стр. 216—218) о русской делегаціи говорится въ изысканно-лестномъ тонѣ: „Le contingent russe était imposant à la fois par le nombre de délégués et par leur valeur". О французской делегаціи, наоборотъ, говорится въ тонѣ нѣкотораго разочарованія: „Les Français, il en coûte de le dire, étaient peu nombreux". Фактически число делегатовъ французовъ было немногимъ менѣе русскихъ; но даже одно и то же число могло конечно казаться „импозантнымъ" для отдаленной Россіи и „незначительнымъ" для сосѣдки-Франціи.

полученныя канцеляріями соотвѣтствующихъ учрежденій, вылежавшись подъ сукномъ, были, какъ неправильно адресованныя, направлены въ министерство народнаго просвѣщенія, въ Парижъ. Тамъ, послѣ новаго лежанія подъ сукномъ, были разосланы соотвѣтствующіе циркуляры въ подлежащія учрежденія, и только изъ этихъ циркуляровъ мы узнали о приглашеніи на лондонскій конгрессъ,—узнали всего за нѣсколько недѣль до открытія конгресса. Времени было слишкомъ мало, для того чтобы ученыя учрежденія могли подготовиться къ конгрессу и командировать своихъ делегатовъ" [1]). Маленькая подробность, но чрезвычайно характерная для современной Франціи съ ея, дѣйствительно, доведенной до Геркулесовыхъ столбовъ централизаціей. Думается, однако, что независимо отъ тѣхъ или другихъ частныхъ причинъ, въ данномъ случаѣ, какъ и на предыдущихъ конгрессахъ, главную роль сыграла та болѣе общая причина, которая лежитъ во французскомъ характерѣ,—въ малой склонности французовъ къ поѣздкамъ, въ особенности въ чужіе края.

Что касается русскихъ делегатовъ, то число ихъ было бы значительно болѣе, если бы цѣлый рядъ русскихъ университетовъ не воздержались вовсе отъ посылки своихъ представителей на конгрессъ. Не говоря уже о Томскомъ и Саратовскомъ, гдѣ нѣтъ историко-филологическихъ факультетовъ, не прислали никого на конгрессъ университеты Харьковскій, Казанскій, Одесскій и, что особенно бросалось въ глаза, блисталъ своимъ отсутствіемъ нашъ старѣйшій университетъ, Московскій. Въ общемъ, кромѣ Императорской Академіи Наукъ и Императорской Археологической Комиссіи, были представлены на конгрессѣ четыре русскихъ университета: Петербургскій, Кіевскій, Юрьевскій, Варшавскій, а также Гельсингфорсскій. Надо впрочемъ оговориться, что не всѣ командированные университетами делегаты явились на конгрессъ; отсутствовали, напримѣръ, Н. Н. Карѣевъ, М. М. Кова-

---

[1]) Въ цитированной выше замѣткѣ, принадлежащей (судя по авторскимъ инициаламъ Ch. B.) перу редактора журнала, проф. Бемона, находимъ слѣдующія строки по данному вопросу. Въ отвѣтъ на вопросы о причинѣ малочисленности французскихъ ученыхъ на конгрессѣ, мы, говоритъ проф. Бемонъ, могли указать лишь на слѣдующее: „Que l'invitation officielle est parvenue au ministère de l'Instruction publique seulement le 21 février, et à la faculté des lettres de Paris le 3 mars. En outre, il parait qu'il eût été impossible de trouver soit au ministère, soit dans les caisses de nos Universités la moindre somme pour aider les délégués à supporter les frais du voyage". Въ заключеніе проф. Бемонъ еще разъ высказываетъ свое сожалѣніе: „Il semble qu'en ce temps d'entente cordiale, et l'Angleterre étant si voisine de nous, la France eût pu et dû tenir au Congrès une plus grande place".

левскій, Ю. А. Кулаковскій. Было среди русскихъ также нѣсколько „вольныхъ“ членовъ конгресса, не делегированныхъ ни отъ какихъ учрежденій; въ числѣ послѣднихъ было и нѣсколько женщинъ.

Вообще же надо замѣтить, что женскій элементъ занималъ очень значительное мѣсто въ составѣ конгресса; особенно замѣтенъ онъ былъ на парадныхъ собраніяхъ и пріемахъ, придавая имъ особенный блескъ и жизнерадостность. По печатному списку я насчиталъ около двухсотъ *Mrs* (то-есть *Mistress*), *Ladies*, *Misses*, *Frauen*, *Fräulein*, *M-mes*, *M-lles*; если же принять во вниманіе значительную неполноту печатнаго списка, то надо принять для женскаго элемента на конгрессѣ цифру свыше двухсотъ. Преобладали, конечно, англичанки и американки, затѣмъ слѣдовали нѣмки, за ними француженки, затѣмъ русскія и польки, одна норвежка и по одной или по двѣ представительницы нѣкоторыхъ другихъ національностей. Сравнительная многочисленность женскаго элемента въ составѣ конгресса объясняется облегченными условіями записи для женщинъ въ члены конгресса. Именно, на ряду съ *дѣйствительными членами* (*Full Members*) съ платою въ одинъ фунтъ (около 10 рублей), была установлена категорія *членовъ-соревнователей* (*Associate Members*) спеціально для лицъ женскаго пола, сопровождающихъ дѣйствительныхъ членовъ-мужчинъ съ тѣми же правами, что и послѣдніе, но съ половинной членской платой [1]). Благодаря этому, многіе конгрессисты пріѣхали съ своими женами и дочерьми, участвовавшими въ конгрессѣ въ качествѣ „членовъ-соревнователей“.

Уже со стороны организаціонной, какъ мы видѣли, лондонскій конгрессъ не имѣлъ характера спеціально *историческаго*; то же самое слѣдуетъ сказать о немъ и со стороны его личнаго состава. На двухъ предшествовавшихъ открытію конгресса банкетахъ, устроенныхъ въ честь конгрессистовъ сначала отъ имени лондонскаго Историческаго Общества, а затѣмъ отъ имени правительства, мнѣ пришлось очутиться сосѣдомъ по столу въ первомъ случаѣ съ санскритологомъ изъ Христіаніи (проф. Sten Konow), а во второмъ—съ математикомъ изъ Генуи (проф. Loria). Потомъ, просматривая печатный списокъ членовъ конгресса, я былъ пораженъ огромнымъ количествомъ не-историковъ. Не говоря уже о близкихъ историкамъ соціологахъ, экономи-

---

[1]) Была еще третья категорія—такъ называемыхъ *соревнователей* (*Associates*), тоже съ половинной платой, но безъ права на участіе въ празднествахъ и пріемахъ, устраивавшихся въ честь конгрессистовъ. „Соревнователей“ было ничтожное количество.

стахъ, правовѣдахъ, государствовѣдахъ, археологахъ, филологахъ и т. д., мнѣ попадались на каждомъ шагу медики, естествоиспытатели, даже математики, наконецъ—люди безъ опредѣленной научной спеціальности: военные, коммерсанты, публицисты, литераторы, артисты, наконецъ—просто интеллигентные люди, желавшіе, очевидно, провести недѣлю пріятно и интересно. Среди лицъ этой категоріи фигурировалъ цѣлый рядъ *лордовъ* и *лэди* [1]) и вообще лицъ изъ высшаго англійскаго общества, что также вносило въ конгрессъ особую ноту, неизвѣстную на континентѣ, гдѣ аристократія, за единичными исключеніями, не выказываетъ, какъ извѣстно, особаго интереса къ ученымъ съѣздамъ, имѣющимъ тамъ поэтому болѣе сѣрый, болѣе дѣловой и, такъ сказать, болѣе „домашній", но вмѣстѣ съ тѣмъ конечно и болѣе скучный характеръ. Вотъ именно этого „домашняго" оттѣнка совсѣмъ не было на лондонскомъ конгрессѣ. Это былъ не столько научный съѣздъ, т. е. временное свиданіе ученыхъ спеціалистовъ для взаимнаго обмѣна мнѣній по вопросамъ своей спеціальности, сколько временное, *по поводу ученаго съѣзда*, сближеніе и общеніе интеллигентныхъ людей изъ всѣхъ слоевъ культурнаго общества и почти изъ всѣхъ странъ культурнаго міра, при томъ общеніе въ рамкахъ той высшей культурности, которой по праву можетъ гордиться Англія. На этой особенности лондонскаго конгресса я еще остановлюсь болѣе обстоятельно ниже; но сначала намъ необходимо нѣсколько ближе познакомиться съ научно-дѣловой стороной дѣятельности конгресса.

II.

Научно-дѣловая сторона лондонскаго конгресса.

Конгрессъ продолжался ровно недѣлю, съ 3-го по 9-е апрѣля нов. ст., и слѣдовательно имѣлъ для своихъ дѣловыхъ засѣданій лишь шесть дней (за вычетомъ воскресенья, 6 апрѣля). За это время конгрессъ имѣлъ четыре общихъ собранія (3, 4, 7 и 9 апрѣля) и 64 собранія по секціямъ. Собранія по секціямъ происходили только въ теченіе пяти дней (3—5-го и 7—8-го апрѣля), при чемъ на каждый день приходилось отъ 12 до 14 собраній, засѣдавшихъ одновременно въ различныхъ помѣщеніяхъ. Замѣчу здѣсь, что большимъ неудоб-

---

[1]) Кромѣ ходячаго словоупотребленія, когда названіе *лэди* прилагается къ женщинѣ вообще, слово это употребляется также въ качествѣ *титула*, и въ этомъ случаѣ оно является женскимъ эквивалентомъ мужского *Lord*.

ствомъ было отсутствіе общаго помѣщенія для засѣданій конгресса, которыя происходили въ двѣнадцати различныхъ зданіяхъ, разбросанныхъ на пространствѣ до трехъ верстъ въ длину и около двухъ въ ширину. Благодаря этому, было невозможно послѣ одного доклада въ одной секціи попасть на слѣдующій докладъ въ другой секціи, что зачастую было желательно. Такимъ образомъ, напр., мнѣ лично пришлось пропустить нѣсколько рефератовъ, которые меня живо интересовали. Вѣроятно, въ подобномъ же положеніи было немало конгрессистовъ, и это обстоятельство, несомнѣнно, сыграло не послѣднюю роль въ малолюдности нѣкоторыхъ собраній и отсутствіи обмѣна мнѣній по заслушаннымъ докладамъ. Люди интересующіеся сплошь да рядомъ либо запаздывали на доклады, либо спѣшили съ одного на другой. Вполнѣ удались поэтому лишь общія собранія, когда публикѣ не приходилось разрываться и разсѣивать свое вниманіе въ переѣздахъ и безплодныхъ попыткахъ поймать разомъ нѣсколькихъ зайцевъ.

Остановлюсь сначала на общихъ собраніяхъ.

Первое общее собраніе, которымъ открылся конгрессъ, имѣло мѣсто утромъ 3-го апрѣля, въ актовомъ залѣ (Great Hall) такъ называемаго Lincoln's Inn и носило парадный характеръ. Собраніе открылось длинной привѣтственной рѣчью „дѣйствительнаго президента", проф. Уорда. Къ сожалѣнію, это была не *рѣчь*, а *чтеніе*, и даже не по тетрадкѣ, а по печатной брошюрѣ, въ видѣ которой рѣчь была заранѣе напечатана и уже имѣлась въ рукахъ у многихъ изъ слушателей. При такихъ условіяхъ рѣчь теряла добрую половину своего интереса и девять десятыхъ—своей raison d'être. Проф. Уордъ началъ выраженіемъ благодарности отъ имени конгресса королю за милостивое соизволеніе на принятіе званія „патрона конгресса", затѣмъ напомнилъ вкороткѣ исторію международныхъ историческихъ конгрессовъ, остановившись болѣе подробно на послѣднемъ, берлинскомъ, при чемъ было сдѣлано нѣсколько неизбѣжныхъ комплиментовъ по адресу нѣмецкой науки. Далѣе слѣдовала рѣчь, заготовленная президентомъ конгресса Брайсомъ, который, какъ уже было замѣчено, не пріѣхалъ на конгрессъ. Рѣчь его, тоже напечатанная, была цѣликомъ прочтена Уордомъ по той же печатной брошюрѣ. Въ своей рѣчи Брайсъ останавливался главнымъ образомъ на фактѣ постепеннаго расширенія области культурно-исторической жизни и вмѣстѣ—развитія общечеловѣческой солидарности. Чтеніе рѣчи Брайса проф. Уордъ сопроводилъ собственными „заключительными замѣчаніями" (closing remarks), тоже напечатанными.

Здѣсь проф. Уордъ отмѣтилъ успѣхи новѣйшей исторической науки и заслуги наиболѣе крупныхъ ея представителей, а также указалъ на зародившуюся въ недавнее время отрасль исторіографіи, именно—на „исторію исторіи". Свои „заключительныя замѣчанія" Уордъ закончилъ извѣстнымъ афоризмомъ Лейбница: Le présent est chargé du passé et gros de l'avenir, и своимъ комментаріемъ къ этимъ словамъ: „Мы, историки, призваны разсказывать и объяснять прошлое, но мы не должны закрывать глазъ и на проблемы будущаго".

Послѣ Уорда болѣе краткія, такъ сказать—отвѣтныя рѣчи были произнесены делегатомъ Берлинскаго университета проф. Виламовицъ-Мёллендорфомъ, делегатомъ французскаго института академикомъ Кордье и наконецъ делегатомъ Массачусетскаго Историческаго Общества Адамсомъ, болѣе чѣмъ слѣдовало бы, длинной рѣчью котораго и закончилось первое общее собраніе конгресса. Замѣчу, что всѣ рѣчи читались и говорились по-англійски, за исключеніемъ рѣчи Виламовицъ-Меллендорфа, который говорилъ по-нѣмецки; произнесенная послѣ этой нѣмецкой рѣчи французскимъ делегатомъ рѣчь на англійскомъ языкѣ звучала нѣсколько странно и вызывала недоумѣніе, такъ какъ французскій языкъ, конечно, не затруднилъ бы аудиторію болѣе, чѣмъ нѣмецкій.

На слѣдующее утро, 4-го апрѣля, имѣло мѣсто, въ томъ же помѣщеніи, первое общее собраніе дѣлового характера. На немъ были прочитаны четыре доклада на трехъ языкахъ, носившіе, кромѣ послѣдняго, характеръ лекцій. Первый былъ прочитанъ профессоромъ Грейфсвальдскаго университета Эрнстомъ Бернгеймомъ на тему: *Die historische Interpretation aus den Zeitanschauungen.* Указавши на то, какъ постепенно развивалась въ новѣйшей исторіографіи мысль о томъ, что каждая эпоха отмѣчена особой индивидуальной печатью, Бернгеймъ старался выяснить важность и до сихъ поръ далеко не достаточно выполняемой историками трудной задачи—войти въ духъ, идеи и настроенія отдаленныхъ эпохъ. Слѣдующій докладъ профессора Гентскаго университета Пиренна (Pirenne) на тему *Les étapes sociales de l'évolution du capitalisme du XII-e au XIX siècle,* представлялъ собою обобщающій очеркъ соціально-экономической эволюціи Европы со второй половины средневѣковья вплоть до новѣйшаго времени. Въ своей лекціи Пиренн проводилъ ту мысль, что въ послѣдовательномъ ростѣ капитализма, съ XII по XIX в., сыграло роль не только стремленіе къ обогащенію, но также и погоня за властью, которая постепенно и переходитъ къ поднимавшимся экономически слоямъ насе-

ленія, при чемъ, по мѣрѣ обогащенія, послѣдніе проникаются консервативнымъ настроеніемъ. Третій докладъ былъ прочитанъ профессоромъ Берлинскаго университета фонъ-Гирке на тему: *Zur Geschichte des Majoritätsprinzips*. Принципъ большинства, пользующійся въ настоящее время общимъ признаніемъ, далеко не является самоочевиднымъ, и было время, когда онъ, дѣйствительно, не пользовался такимъ признаніемъ. Для иллюстраціи этого положенія Гирке остановился на примѣрѣ древнихъ германцевъ. У нихъ господствовалъ принципъ единогласія, и если послѣдняго нельзя было достигнуть путемъ убѣжденія, то его добивались путемъ насилія. Лишь со второй половины средневѣковья, вмѣстѣ съ развитіемъ корпоративной жизни, старый принципъ единогласія постепенно начинаетъ уступать мѣсто принципу большинства. При чемъ, въ идейной области, переходъ этотъ совершался, по мнѣнію Гирке, при помощи той фикціи, что большинство можетъ разсматриваться, какъ цѣлое. Послѣдній докладъ, на англійскомъ языкѣ, былъ сдѣланъ Оксфордскимъ профессоромъ Whitwell по вопросу о составленіи полнаго словаря средневѣковой латыни, по образцу „Оксфордскаго Словаря Англійскаго языка“ (the Oxford English Dictionary).

Третье общее собраніе, въ понедѣльникъ 7-го апрѣля, въ одномъ изъ залъ Лондонскаго университета (Jehangir Hall), было посвящено четыремъ докладамъ, опять на англійскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Первымъ говорилъ (именно говорилъ, а не читалъ) профессоръ Берлинскаго университета Эдуардъ Мейеръ, по-англійски, на тему: *Ancient History and Historical Research in the last Generation*. Глубокій знатокъ древности и живой, съ большимъ темпераментомъ, лекторъ, Эдуардъ Мейеръ набросалъ мастерскую картину блестящихъ успѣховъ исторической разработки древности за послѣдніе три десятка лѣтъ. Слѣдующій ораторъ, академикъ А. С. Лаппо-Данилевскій далъ на французскомъ языкѣ сжатый, но очень содержательный очеркъ „развитія идеи государства въ Россіи отъ смутнаго времени до эпохи реформъ“ (*L'idée de l'Etat et son évolution en Russie depuis le temps des troubles jusqu' au temps des réformes*). Затѣмъ профессоръ Лейпцигскаго университета Карлъ Лампрехтъ говорилъ по-нѣмецки о „новѣйшихъ идейныхъ стремленіяхъ въ Германіи“ (*Jüngste geistige Strömungen in Deutschland*). Въ заключеніе профессоръ Бухарестскаго университета Іорга (Jorga) прочиталъ по-французски лекцію-докладъ подъ нѣсколько неяснымъ и несовсѣмъ французскимъ заглавіемъ: Les bases nécessaires d'une nouvelle histoire du Moyen âge.

Въ сущности лекторъ говорилъ не о „необходимыхъ основахъ“ средневѣковой исторіи, а излагалъ схему для историческаго трактованія средневѣковья, которая, по его мнѣнію, должна сообщить этой исторіи то единство, котораго ему до сихъ поръ недоставало въ трудахъ историковъ. Докладъ этотъ былъ бы болѣе умѣстенъ въ одномъ изъ секціонныхъ засѣданій, гдѣ допускались пренія, и гдѣ онъ, несомнѣнно, вызвалъ бы немало критическихъ замѣчаній. На общемъ собраніи докладъ этотъ былъ еще и потому несовсѣмъ умѣстенъ, что докладчикъ недостаточно владѣетъ французскимъ языкомъ; онъ допускалъ рядъ несовсѣмъ французскихъ и частью даже совсѣмъ нефранцузскихъ выраженій, въ родѣ: „si nous ne la donnerons pas...“.

Четвертое и послѣднее общее собраніе, утромъ 9-го апрѣля, въ одной изъ залъ Grafton Galleries (гдѣ помѣщалось и бюро конгресса), имѣло заключительный характеръ. Никакихъ докладовъ уже не было, а была лишь заключительная рѣчь президента Уорда, въ которой онъ, подведя въ немногихъ словахъ итоги дѣятельности конгресса, предложилъ на рѣшеніе собранія два вопроса: вопросъ о мѣстѣ будущаго конгресса, имѣющаго собраться въ 1918 г., и возбужденный по почину Кіевскаго университета вопросъ о допущеніи на международныхъ историческихъ конгрессахъ, кромѣ пользующихся на нихъ правомъ гражданства языковъ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго и итальянскаго, еще и другихъ языковъ, и въ частности—русскаго. По первому вопросу, Уордомъ было доложено предложеніе русскихъ делегатовъ—назначить мѣстомъ будущаго конгресса Петербургъ. По второму вопросу было доложено предложеніе комитета въ томъ смыслѣ, чтобы, одобривъ въ принципѣ мысль о допущеніи въ дѣлопроизводство будущихъ конгрессовъ другихъ языковъ, кромѣ уже допущенныхъ четырехъ, и въ частности—русскаго языка, предоставить детальную разработку этого вопроса и его практическое рѣшеніе комитету ближайшаго конгресса. Оба эти предложенія были поддержаны нѣсколькими ораторами изъ французовъ, нѣмцевъ и другихъ національностей и, не встрѣтивъ ни съ чьей стороны возраженій, были приняты par acclamation. Засѣданіе закончилось провозглашеніемъ благодарности, отъ имени конгресса, королю и правительству Англіи за оказанное ими гостепріимство и всяческое содѣйствіе успѣху конгресса.

Послѣ этого краткаго очерка общихъ собраній конгресса перехожу къ секціоннымъ собраніямъ, въ которыхъ собственно и лежалъ центръ тяжести всей научно-дѣловой дѣятельности конгресса. Для заслушанія

заявленныхъ на конгрессѣ двухсотъ докладовъ было образовано девять секцій и двѣнадцать подсекцій, а именно:

1. Исторія Востока съ Египтологіей;

2. Исторія Греціи, Рима и Византіи;

3. Средневѣковая исторія;

4. Новая исторія, раздѣленная на три подсекціи: а) Новая исторія, б) Колоніальная исторія, в) военная и морская.

5. Церковная исторія;

6. Исторія права (legal History) и экономическая исторія, раздѣленная на двѣ подсекціи: а) Исторія права и б) Экономическая исторія.

7. Культурная исторія среднихъ вѣковъ и новаго времени (History of Mediaeval and Modern Civilisation), раздѣленная на четыре подсекціи: а) Философія, языковѣдѣніе и литература; б) Искусство; в) Точныя науки, естествознаніе, медицина; г) Педагогика и соціологія;

8. Археологія;

9. Родственныя и вспомогательныя науки (related and auxiliary Sciences), раздѣленная на подсекціи: а) Этнологія, историческая географія, топографія и мѣстная исторія; б) Философія исторіи и историческая методологія; в) Палеографія и дипломатика, библіографія, нумизматика, генеалогія, геральдика, сфрагистика и т. д.

Нельзя сказать, чтобы раздѣленіе на секціи было проведено вполнѣ удачно; особенное недоумѣніе возбуждаетъ девятая секція, куда попало, повидимому, все то, что не удалось пристроить къ другимъ секціямъ, и гдѣ историческая философія съ методологіей очутились между исторической географіей и нумизматикой.

Относительно отдѣльныхъ секцій можно отмѣтить, во-первыхъ, подавляющее преобладаніе въ четвертой секціи (новая исторія) докладовъ по исторіи дипломатической, военной, морской и колоніальной. Далѣе, въ восьмой секціи (археологія) обращаетъ на себя вниманіе доминирующее положеніе русской археологіи: ей посвящено шесть докладовъ изъ пятнадцати, при чемъ для нея образовано было нѣчто въ родѣ особой подсекціи, подъ наименованіемъ: „русскія засѣданія“ (Russian Sessions). Въ девятой секціи поражаетъ своей бѣдностью и, такъ сказать, загнанностью отдѣлъ философіи и методологіи исторіи, которому посвящены всего лишь шесть докладовъ, вдобавокъ мало интересныхъ, за исключеніемъ доклада Карла Лампрехта объ „организаціи университетскаго изученія исторіи“.

Подавляющее большинство докладовъ читались по-англійски; лишь

около четвертой части послѣднихъ читались на другихъ языкахъ, преимущественно на французскомъ и нѣмецкомъ. По списку я насчиталъ 147 докладовъ на англійскомъ языкѣ, 31 на французскомъ и 28 на нѣмецкомъ; на итальянскомъ языкѣ было всего лишь два доклада. Если бы русскій языкъ пользовался правомъ гражданства, то на немъ бы могли быть прочтены по крайней мѣрѣ тѣ шесть докладовъ, которые были отнесены въ особый отдѣлъ „русскихъ засѣданій", и которые всѣ были посвящены русской археологіи (всѣ они читались по-англійски). По національности докладчиковъ, насколько можно судить по печатнымъ спискамъ, доклады распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 112 докладовъ прочтено англичанами, 28 нѣмцами (германскими), 18 русскими (считая въ томъ числѣ трехъ поляковъ изъ Россіи), 12 французами, 9 австрійцами (4 нѣмца, 2 чеха, 1 хорватъ и 1 мадьяръ), 7 американцами (въ томъ числѣ 1 канадецъ и 1 южно-американецъ), 4 итальянцами, 4 бельгійцами, 3 голландцами, 2 норвежцами, 2 швейцарцами, 2 румыномъ (однимъ), 1 шведомъ и 1 испанцемъ. Въ этомъ спискѣ русскіе занимаютъ третье мѣсто, какъ и по числу делегатовъ; но интересно замѣтить, что по процентному отношенію числа докладовъ къ числу делегатовъ русскіе занимаютъ мѣсто впереди англичанъ, нѣмцевъ, французовъ, австрійцевъ и американцевъ.

Не останавливаясь на отдѣльныхъ докладахъ, ограничусь лишь спискомъ ихъ заглавій и авторовъ, какъ они значатся въ напечатанной къ конгрессу „программѣ"; однако нѣкоторые доклады не были прочитаны за неприбытіемъ докладчиковъ. Поэтому въ дальнѣйшемъ я говорю не о *прочитанныхъ* докладахъ, а только о *заявленныхъ*.

Въ первой секціи (исторія востока и египтологія), предсѣдателемъ которой былъ лордъ *Reay*, были заявлены доклады: Mr. *D. G. Hogarth* — Hittites and Hittite Civilisation in Syria, проф. *Эдуардъ Мейеръ*—Representation of Foreign Races on the Egyptian Monuments, проф. *T. J. de Boer*—Development of the Theological Attitude in Islamic Civilisation; проф. *L. de La Vallée-Poussin*—Quelques problèmes de l'histoire littéraire du Bouddhisme; Sir *Wm. Lee-Warner* — The Evolution of Indian History; проф. *G. Steindorff*—Die Lybier im Alterthum nach ägyptischen Quellen: проф: *Macdonell*—The Early History of Caste; prince *de Teano* — The Meccan Festival in pagan times: проф. *Sten Konow* — The Nationality of Kushanas; проф. *H. E. Naville*—The African Origin of the Old Egyptians; Dr. *L. D. Barnett*—The Pandaia of Megasthenes and the Sagas of the Dravidians and Ceylan;

проф. *Lehmann-Haupt*—Die historische Stellung Armeniens; Sir *Charles Lyall* — Ancient Arabian Poetry as a Source of Historical Information; Mr. *J. H. Gubbins* — Some Features of Tokugawa Administration; проф. *Paul Koschaker*—Bedeutung und Problem einer babylonisch-assyrischen Rechtsgeschichte; проф. *Freiherr von Bissing*—The Reconstruction of the Palaces of the Persian Kings; Mr. *H. R. Hall* — The Relations of Cyprus and Egypt under the Empire. Заявленный въ этой секціи докладъ знаменитаго египтолога *Масперо*, Les pretendus Sésostris de la XII dynastie, не состоялся за неприбытіемъ маститаго докладчика на конгрессъ.

Во второй секціи (исторія Греціи, Рима и Византіи), гдѣ предсѣдателемъ былъ (но за болѣзнью не присутствовалъ) проф. *Bury*, были заявлены доклады: проф. *von Scala*—Die Illyrier, ihre Wanderungen und ihr Volksthum: проф. *М. Ростовцевъ*—Ionismus und Iranismus in Südrussland; Mr. *N. H. Baynes* — The Slaying of the Emperor Julian the Apostate, a note on a Christian Legend; проф. *J. S. Reid*—Some Observations on the Second Punic War; Mr. *Spencer Jerome*—The Orgy of Tiberius at Capri; проф. *O. Seeck*—Der letzte Waffengang des römischen Heidenthums; проф. *Th. Reinach* — Crétois et Phrygiens; Sir *C. Waldstein*—Peisistratos and the Ideals of Periclean Athens; Mr. *J. A. R. Munro* — Aristotle and the Zeugite Triumvirate; проф. *U. von Wilamowitz-Möllendorff* — Die Athena von Ilion; проф. *P. Gardner*—The Coinage of the Athenian Empire; проф. *Behrendt Pick*—Handelsmünzen im Alterthum; проф. *N. Jorga* — La survivance Bysantine dans les pays Roumains; проф. *F. J. Haverfield*—The Coast Defence and Fleet of Roman Britain; Mr. *G. L. Cheesman*—Recent Work on the Roman Frontier in Britain; Mr. *J. Curle*—Roman and Native Remains in Caledonia; проф. *H. J. Lawlor*—The Rate of march of a Roman Army.

Въ секціи третьей (средневѣковье) были заявлены доклады: проф. *T. F. Tout* (предсѣдатель секціи) — The Present State of Mediaeval Studies in Great Britain; Mr. *J. H. Round* — The Garrison Theory of the Borough; проф. *Н. М. Бубновъ* — Guillaume de Malmesbury et la légende de Gerbert (pape Silvestre II); *E. Liebermann*—The National Assembly in the Anglo-Saxon State; проф. *H. Pirenne*—Le grand commerce dans ses rapports avec l'économie urbaine au moyen âge; проф. *A. Cartellieri*—Philipp August und der Zusammenbruch des angevinischen Reiches; Mr. *Goddard H. Orpen*—The Effects of Norman Rule in Ireland, 1169 — 1333; проф. *C. H. Haskins*—The Government of Nor-

mandy under Henry II; проф. *J. E. Lloyd* — The Influence of Wales upon English Political History in the Middle Ages; Mr. *G. G. Coulton*—Monastic Schools; проф. *Robt. Davidsohn*—Die Frühzeit der Florentiner Kultur; Dr. *Fritz Kern*—Dantes Gesellschaftslehre: проф. *E. Déprez*—La question de la succession française, 1328; проф. *Ch. Bémont*—De l'intervention du gouvernement anglais dans les institutions municipales de la Guyenne; проф. *R. Delachenal* — Le premier traité de Londres; проф. *H. Bloch*—Kaiserthum und Papsthum im dreizehnten Jahrhundert; Sir *J. H. Ramsay*—Mediaeval Chroniclers and their Numerical Estimates of English Armies; проф. *Ferdinand von Šišic*—Ueber den Brief Papst Gregor VII an den dänischen König Sven Estridsen vom 25 Jan. 1075.

Доклады, заявленные въ четвертой секціи (новая исторія) съ ея подсекціями колоніальной и военной: проф. *O. H. Firth* (президентъ секціи)—The Study of Modern History in England and its connexion with the organisation of the British Archives; проф. *H. Pirenne*—Les archives Belges (хотя въ спискѣ докладовъ заглавіе доклада Пиренна формулировано по-англійски, но на дѣлѣ онъ былъ читанъ по-французски); Dr. *J. F. Jameson*—Steps of American Expansion; проф. *H. Митрофановъ*—Leopold II of Austria and Kaunitz; Mr. *C. K. Webster*—England and Europe, 1815; проф. *A. G. H. Stille*—Charles II in relation to Western Europe: проф. *W. Michael*—England under Walpole; проф. *Henrik Marczali*—England and Count Széchenyi, 1800—1825; проф. *Th. Schiemann*—England and Russia, 1853—1854: проф. *P. J. Blok*—England and Holland, 1800—1813: Mr. *Charles Jenson*—Administration of Archives since 1789; Mr. *A. Doughty*—The Canadian Archives: senhor *Oliveira de Lima*—The Study and Arrangement of the Brazilian Archives: Dr. *Philippe Nogga*—Some Albanian Historical Problems; проф. *J. Redlich*—Austrian Administrative Methods; Dr. *Marcel Handelsmann*—Napoléon et la Pologne: Sir *C. P. Lucas* — Some Historical Problems in the West Indies; проф. *F. Keutgen*—The Aim and Objects of the Hamburg Colonial Institute; Mr. *E. A. Benians* — Aspects of Dutch Colonial Policy; проф. *Raphael Altamira*—Some Aspects of Spanish Colonial Policy; Mr. *H. F. Russel Smith*—Harrington's Influence in America: Mr. *Harold Temperley*—Some Problems of British Colonial Policy in the Eighteenth Century; проф. *Bernard Moses*—The Relation of the United States to the Philippine Islands; Mr. *Julian Corbett*—Military and Naval Staff Histories; *M. Ch. de La Roncière*—Aspects of French Naval History; проф. *C. W. Oman* — A Defence of

Military History; Col. Sir *Lonsdale Hale*—Military History and Historians; проф. *J. Novàc* — Feldmarschall Fürst Schwarzenberg und die Feldzüge v. 1813—1814; проф. *Holland Rose*—Napoleon's Plans for the Autumn Campaign of 1813; *Lieut. A. Dewar*—Naval History and the Necessity for a Catalogue of Sources; Dr. *J. R. Tanner*—Pepys as a Naval Official; проф. Sir *J. K. Laughton*—The History of Naval Historians; *Capt. Lionel Richmond*—Naval History from the Service Point of view; Mr. *A. G. Perrin*—Sources of Naval History in the Admiralty Library; Mr. *L. S. Amery*—The Influence of Tactical Ideas on Warfare; Mr. *C. T. Atkinson*—Foreign Troops in the English Service during the Great War, 1793—1815.

Въ секціи пятой (церковная исторія), подъ предсѣдательствомъ Dr. *Armitage Robinson*, Dean of Wells, были заявлены доклады: Mr. *Edmund Bishop* — The Meaning and Value of the Liturgical Reforms of Charles the Great; Mgr. *P. Batiffol*—Le monothéisme dans la religion romaine avant Constantin; M. *C. H. Turner* — Decretum Damasianum; проф. *Vlastimil Kybal* — Les dernières découvertes sur le mouvement religieux en Bohême avant Jean Huss; проф. *A. Cauchie*—Les archives du Clergé de France; Mr. *H. W. C. Davis*—Canon Law and the Church of England; Miss *Rose Graham*—The Real Relation of Cluny to some other Movements of Monastic reform; проф. *P. Mandonnet* — La crise scolaire au début du XIII-e siècle et la fondation de l'ordre des Frères Prêcheurs; Mr. *A. G. Little*—On some New Discoveries concerning the Fioretti and the Legenda Trium Sociorum; Mr. *R. C. Fowler*—English Episcopal Registers; Mr. *P. S. Allen* — Erasmus and the Bohemian Brethren; *Rev. F. van Ortroy*—Ignatius de Loyola et les premiers informateurs de sa vie; *Rev. W. H. Frere*—The Vicissitudes of English Benefices; проф. *Arnold Meyer*—Charles I and Rome; Mr. *W. C. Braithwaite*—George Fox; проф. *G. Loesche*—The Friends of Protestantism in the House of Habsburg from the Sixteenth Century up to the Present.

Въ подсекціи исторіи права (шестой секціи), подъ предсѣдательствомъ проф. *П. Г. Виноградова*, были заявлены доклады: проф. *L. Wenger*—Die heutigen Aufgaben der römischen Rechtsgeschichte; проф. *M. A. Galante*—Lo studio moderno del diritto ecclesiastico; Sir *F. Pollock*—The Transformation of Equity; проф. *W. Blake Odgers*—The Inns of Court and of Chancery; проф. *H. D. Hazeltine*—The Early History of English Equity; проф. *W. S. Holdsworth*—The Influence of Coke on the Development of English Law; проф. *O. Lenel*—Zur Geschichte

des römischen Testaments; проф. *M. S. Riccobono* — Dalla „communio“ del diritto quiritario alla comproprietà moderna; проф. *E. G. Clark*—Some Notes on the History of Roman Law during the Republican Period as illustrated by the Consular Coinage; проф. *H. Goudy*—Some Mediaeval Brocards; проф. *M. J. Esmein*—La règle „Princeps legibus solutus est“ dans l'ancien droit français; проф. *R. Caillemer*—Les idées coutumières et la renaissance du droit romain dans le Sud-Est de la France; проф. *H. Schreuer* — Götter und Tote als Rechtssubjekte bei den alten Germanen; проф. *A. Taranger*—The Original Meaning of the Terms odal and skeytning in the old Laws of Norway; *W. Konopczinsky*—Une antithèse du principe majoritaire en droit polonais; проф. *R. Hübner*—Ein Verfassungsentwurf im Frankfurter Parlament.

Въ подсекціи экономической исторіи той же секціи, подъ предсѣдательствомъ профессора *Эшли (W. J. Ashley)*, заявлены были доклады: проф. *A. Dopsch*—Die Geldwirthschaft der Karolingerzeit; *W. Archdeacon W. Cunningham*—Changes in the Organisation of the Mason's Craft in England; г-жа *Любименко* (докторъ Парижскаго университета) — La correspondance de la reine Elizabeth avec les Tsars russes; проф. *H. Lévy*—Die ökonomische und soziologische Bedeutung des 17 Jahrhunderts in England; проф. *C. M. Andrews*—Anglo-French Commercial Rivalry, 1700 — 1750; проф. *H. Siecking*—The Influence of Law's System in Switzerland; проф. *D. Schäfer*—The Sound-dues as a Source of International History; Dr. *W. R. Scott*—The Trade of Orkney towards the End of the Eighteenth Century; проф. *E. B. Тарле* Les conséquences économiques du blocus continental, 1806—1813; Dr. *G. Slater* — The Later English Enclosures. Отнесенный къ этой подсекціи докладъ проф. *M. M. Ковалевскаго*, Les origines de la petite propriété en France, остался, къ сожалѣнію, не прочитаннымъ за неприбытіемъ докладчика на конгрессъ.

Въ секціи седьмой (исторія культуры средневѣковой и новой) были заявлены доклады: Dr. *A. J. Carlyle*—The Sources of Mediaeval Political Theory and its Connexion with Mediaeval Politics; проф. *J. A. Smith*—The Philosophy of Nicolas of Cusa; проф. *Hume-Brown*—The Intellectual Influences of Scotland on the Continent in the Eighteenth Century; Dr. *H. Bradley*—The Relation of Written to Spoken Language, with special Reference to History; проф. *Herford*—On the History of Literary History; Mr. *Daniel Jones*—The Application of Phonetics to the Historical Study of Language; Mr. *Reginald Blomfield*—

Architecture, Mediaeval and Modern, a Study in Atavism; проф. *Selvin Image*—The Increasing Importance of Landscape in the Paintings of the Sixteenth Century; Dr. *Harone*—Early Tudor Church Music; Mr. *Edward Dent*—Italian Opera in the Eighteenth Century and its Influence on the Music of the Classical Period; проф. Sir *Clifford Allbutt*—Palissy, Bacon and the Revival of Natural Science; Dr. *Norman Moore*—The Annals of the Royal College of Physicians in London; Mr. *W. W. Rouse Ball*—Newton's Principia; *онъ же* Magic; проф. *G. Loria*—La gloire mathématique de la Grande Bretagne; проф. *Silvanus Thompson*—Origin and Development of the Compass Card; проф. *H. H. Turner*—Aristarchus of Samos; проф. *L. G. Miall*—Scientific Research in the Early Seventeenth Century exemplified by the Life of Peirese; Mr. *W. C. D. Whetham*—Historical Method in Science; проф. *Foster Watson*—Juan-Luis Vives in the Renaissance; Mr. *Graham Wallas*—The Psychological Bases of Social Theory in England since 1776; Dr. *F. A. Woods*—Historiometry, a New Method in the Science of History. Послѣдній докладъ попалъ почему-то въ седьмую секцію, хотя по темѣ ему мѣсто въ девятой.

Въ восьмой секціи (археологія) фигурируютъ на первомъ мѣстѣ шесть докладовъ „русскихъ засѣданій" (всѣ доклады на англійскомъ языкѣ, поскольку можно судить по заглавіямъ, какъ они значатся въ спискѣ докладовъ): графа *А. А. Бобринскаго*—The Treasure of Poltava; проф. *М. И. Ростовцева*—Silver Vases in the Hellenistic Tumuli of South Russia; проф. *Б. В. Фармаковскаго*—The archaic Period in South Russia; проф. (ранѣе — Новороссійскаго университета, нынѣ университета въ Галле) *Э. фонъ-Штерна*—Some Newly Discovered Prehistoric Remains in Bessarabia; проф. *С. А. Жебелева*—Newly Discovered Greek Inscriptions; проф. *Придика*—Recent Acquisitions of the Eremitage. Изъ остальныхъ докладовъ только два фигурируютъ въ этой секціи самостоятельно, а именно доклады проф. *Baldwin Brown*—Archeological Evidence of the Anglo-Saxon Conquest of Britain и Mr. *H. St. George Gray*—The Lake-dwellings at Canterbury; остальные же доклады, относящіеся къ греческой и римской археологіи, отнесены ко второй секціи и названы выше.

Наконецъ, въ девятой секціи (родственныя и вспомогательныя науки), подъ предсѣдательствомъ директора Британскаго музея *Фр. Кеніона* (Sir *Frederic Kenyon*), были заявлены рефераты: проф. *Eduard Seler*—The Toltec Question; Sir *Everard Thurn*—Early European Trade in the Pacific; Dr. *A. P. Maudslay*—Cortez' Route from Mexico to

Honduras; проф. *T. Witton-Davis*—Witchcraft among the Semites and other Ancient Peoples; Dr. *J. Ph. Vogel*—The Iron Pillar of Delhi; проф. *Henri Cordier*—The Tribes of Western China; Sir *H. H. Johnston*—History of Human Migrations over Africa South of the Equator; Mr. *J. A. J. de Villiers*—Historical Geography of British Guiana; Sir *Clements Markham*—Services of Historical Geographers Past and Present; проф. *Karl Lamprecht*—Die Organisation des höheren historischen Studiums; M. *Masson-Oursel*—Histoire et Philosophie de l'Histoire; Mr. *Alexandre Jablonowsky*—Méthode historico-géographique appliquée par l'Institut de la Société scientifique de Varsovie; Mr. *G. P. Gooch*—The Chair of Modern History at Cambridge University; Mr. *E. Barker*—The Roman Heritage in Mediaeval and Modern Politics; Dr. *J. K. Kochanowsky*—Comparaison of Social and Political Circumstances of the Rhine Country and Poland; проф. *Reginald Lane Poole*—The Publication of Great Charters by the English Kings; Mr. *J. P. Gilson*—Edward IV and some of his Successors as Collectors of Historical Manuscripts; проф. *Н. М. Бубнова*—Sur l'Origine et l'Histoire de nos chiffres dits Arabes; Mr. *C. Ffoulkes*—The Armouries of the Tower of London; Mr. *G. J. Turner*—The Rapes of Sussex; Mr. *J. H. Round*—Historical Genealogy; *Rev. E. E. Dorling*—The Evolution of the Heraldic Seal in England; Mr. *Oswald Barron*—Heraldry and its Part in Historical Research; Mr. *E. A. Loew*—The Unique MS. of Tacitus' Histories; Mr. *Falconer Madan*—The Localization of Manuscripts; Mr. *C. H. Jenkinson*—The Dating of Early Documents in English Court-hand; проф. *Eugène Déprez*—Sur la formule „De par le Roi"; Mr. *G. F. Hill*—Certain impress on Italian Renaissance Medals.

Я перечислилъ доклады, какъ они значились по розданной конгрессистамъ печатной „программѣ докладовъ" (Programm of Papers) но нѣкоторые изъ намѣченныхъ докладовъ не состоялись, что мною и было отмѣчено относительно тѣхъ докладовъ, о которыхъ я случайно имѣлъ на этотъ счетъ свѣдѣнія.

Общее впечатлѣніе отъ чтенія заглавій докладовъ—это крайняя пестрота ихъ. Въ этомъ отношеніи конгрессъ прекрасно отразилъ ту многогранность и, такъ сказать, развѣтвленность, которою характеризуется новѣйшая историческая наука. Но тутъ есть и своя отрицательная сторона. Пестрота хороша, когда она гармонична; но въ данномъ случаѣ ни о какой гармоніи не можетъ быть и рѣчи: это — пестрота хаотическая, пестрота, отъ которой рябитъ въ глазахъ.

Большинство рефератовъ носило при томъ узко-спеціальный, зачастую мелочный и вдобавокъ совершенно случайный характеръ. Ученый NN въ послѣднее время занимался такимъ-то вопросомъ или такимъ-то источникомъ, и этому случайному обстоятельству международный конгрессъ обязанъ лишнимъ докладомъ, и зачастую лишнимъ въ обоихъ смыслахъ этого слова. Иному реферату мѣсто лишь на страницахъ какого-нибудь узко-спеціальнаго изданія, а тутъ почему-то международный конгрессъ обязанъ ему удѣлять и мѣсто и, что еще важнѣе—свое время, которымъ приходится такъ дорожить. Къ тому же были и рефераты сомнительнаго научнаго значенія, и опять-таки неизвѣстно, почему конгрессъ обязанъ былъ удѣлять имъ часть своего вниманія и времени. Въ результатѣ крайней пестроты и излишней многочисленности рефератовъ, въ связи съ указаннымъ выше обстоятельствомъ чисто матеріальнаго характера (разбросанностью помѣщеній), многіе доклады читались въ на половину и болѣе пустыхъ аудиторіяхъ, а на нѣкоторыхъ докладахъ набиралось не болѣе десятка слушателей, вдобавокъ относившихся совершенно пассивно къ докладу, такъ какъ большинство докладовъ не вызывали никакого обмѣна мнѣній, возраженій, споровъ, поправокъ, дополненій со стороны слушателей-спеціалистовъ. А что означаетъ это, если не то, что такіе рефераты, то-есть большинство докладовъ, привезены были на конгрессъ совершенно напрасно, и время, на нихъ потраченное конгрессомъ, можно считать безполезно потеряннымъ временемъ. Между тѣмъ, при двухъ сотняхъ заявленныхъ докладовъ, временемъ приходилось очень и очень экономить. Даже при раздробленіи конгресса на девять секцій и полдесятка подсекцій, и при одновременномъ чтеніи отъ двѣнадцати до четырнадцати докладовъ, пришлось до послѣдней степени урѣзать время для каждаго доклада, именно—до предѣловъ 30 минутъ. Въ данномъ случаѣ лондонскій конгрессъ лишь усвоилъ практику, установленную на предыдущихъ конгрессахъ, но въ пунктуальности ея примѣненія англичане далеко оставили за собой всѣхъ „континенталовъ", не исключая и столь аккуратныхъ нѣмцевъ. Если послѣдніе нерѣдко допускали регламентарному получасу растягиваться на три четверти часа и даже болѣе, то англичане были въ этомъ отношеніи неумолимо пунктуальны: они не допускали ни исключеній, ни столь привычныхъ намъ, такъ сказать, не идущихъ въ счетъ прибавочныхъ „четвертей"; съ неумолимостью хронометра они считали концомъ каждаго получаса конецъ тридцатой минуты и начало тридцать первой—не далѣе. Во избѣжаніе же того непріят-

наго случая, когда докладъ обрывается на полусловѣ, было установлено такое правило. За пять минутъ до истеченія получасового срока предсѣдатель даетъ о томъ знать докладчику звонкомъ, предоставляя ему, какъ умѣетъ, закруглить рефератъ въ пятиминутный срокъ. Такъ какъ на каждое засѣданіе, продолжавшееся съ десяти (опять-таки безъ всякихъ опозданій, не только на нашу „академическую четверть", но даже на пять минутъ) до половины перваго, назначалось по три-четыре доклада, то на возможный обмѣнъ мнѣній по поводу ихъ оставалось отъ получаса до часа; но дѣло въ томъ, что нерѣдко даже и эти полчаса-часъ оставались не использованными. Впрочемъ, на обмѣнъ мнѣній можно было бы найти и гораздо болѣе времени, стоило только пожертвовать нѣсколькими изъ такихъ докладовъ, отъ отсутствія которыхъ конгрессъ ничего бы не потерялъ, но выигралъ бы нѣсколько лишнихъ часовъ для обмѣна мнѣній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при устраненіи излишнихъ докладовъ, явилась бы, быть можетъ, возможность избѣгнуть того чрезмѣрнаго дробленія на секціи и подсекціи, которое дѣлало невозможнымъ для многихъ конгрессистовъ присутствовать на всѣхъ интересовавшихъ ихъ докладахъ. Во всякомъ случаѣ, упорядоченіе научно-дѣловой части историческихъ конгрессовъ—вопросъ назрѣвшій и настоятельный. Необходимо бороться съ многочисленностью и хаотической пестротой рефератовъ, внести извѣстную планомѣрность и, такъ сказать, программность въ дѣятельность конгрессовъ, такъ какъ только такимъ путемъ можно будетъ поднять ихъ научное значеніе на ту высоту, которая для нихъ не только желательна, но и обязательна. Какъ это сдѣлать, это другой вопросъ. Кое-какія соображенія, навѣянныя наблюденіемъ надъ лондонскимъ конгрессомъ, я позволю себѣ высказать въ концѣ настоящаго очерка. Во всякомъ случаѣ, съ научно-дѣловой стороны лондонскій конгрессъ врядъ ли представляетъ собой какой либо шагъ впередъ сравнительно съ своими предшественниками; боюсь даже, не сдѣлалъ ли онъ въ этомъ отношеніи шага назадъ. По крайней мѣрѣ, на берлинскомъ конгрессѣ я не помню такихъ до унынія пустыхъ аудиторій, какія мнѣ приходилось видѣть въ Лондонѣ... Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ ли искать объясненія этому отчасти именно въ томъ, чѣмъ лондонскій конгрессъ, безспорно, далеко превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Именно, своей культурно-общественной стороной онъ, можно сказать, совершенно затмилъ предыдущіе конгрессы; но, выдвинувъ слишкомъ впередъ эту сторону, онъ поневолѣ нѣ-

сколько заслонилъ и какъ бы оттѣснилъ на второй планъ сторону научно-дѣловую.

III.

Лондонскій конгрессъ со стороны культурно-общественной.

Со свойственной англичанамъ широтой взгляда, они поняли международный историческій конгрессъ не просто какъ ученый съѣздъ спеціалистовъ, интересный только для узкихъ круговъ ученаго міра, но и какъ широко-культурное и широко-общественное явленіе.

Однимъ изъ наглядныхъ показателей этого широкаго пониманія конгресса и широкаго интереса къ нему является отношеніе къ нему англійской прессы. Англійскія газеты, отличающіяся большой дѣловитостью и не имѣющія обыкновенія заполнять свои столбцы тѣмъ, что не интересуетъ ихъ читателей, проявляли непривычную для иностранцевъ, особенно же для насъ, русскихъ, внимательность къ конгрессу. Всѣ главныя лондонскія газеты имѣли на конгрессѣ своихъ корреспондентовъ и не только давали подробные отчеты о парадныхъ засѣданіяхъ и пріемахъ, но отводили ежедневно по столбцу, по два и даже болѣе — дѣловымъ засѣданіямъ въ секціяхъ, давая краткіе отчеты о болѣе интересныхъ докладахъ. Надо отдать справедливость и устроителямъ конгресса, что и они, съ своей стороны, отнеслись съ непривычной для насъ внимательностью къ прессѣ. Въ числѣ гостей изъ членовъ конгресса на различныхъ торжествахъ всегда фигурировали нѣсколько представителей главныхъ лондонскихъ газетъ и телеграфныхъ агентствъ. У меня подъ рукой имѣется полный списокъ участниковъ параднаго обѣда, даннаго въ честь конгресса отъ имени королевскаго правительства, и здѣсь среди именъ гостей я нахожу между прочимъ и такія: *Times*, *Standard*, *Westminster Gazette*, *Daily News*, *Daily Mail*, *Daily Telegraph*, *Daily Chronicle*, *Morning Post*, *Manchester Guardian*: это названія девяти крупнѣйшихъ англійскихъ газетъ (восемь лондонскихъ и одна провинціальная). Десятая газета, фигурировшая на обѣдѣ, была нѣмецкая (вѣнская)—*Neue Freie Presse*. Далѣе, въ спискѣ приглашенныхъ значатся такія имена: *Central News*, *Exchange Telegraph Company*, *London News Agency*, *Press Association*, *Reuters*—названія пяти лондонскихъ телеграфныхъ агентствъ. Итого—десять большихъ ежедневныхъ газетъ и полдесятка телеграфныхъ агентствъ было мобилизовано ради ученаго конгресса. Но это именно показываетъ, что его устроители видѣли въ немъ нѣчто большее, чѣмъ простой дѣловой съѣздъ ученыхъ. Англичане готовы были ви-

дѣть въ немъ — и они были, безъ сомнѣнія, правы — одно изъ проявленій общечеловѣческаго культурнаго взаимообщенія между людьми, раздѣленными національными, политическими и соціальными перегородками и разобщенными огромными разстояніями. Эта мысль не разъ мелькала и въ привѣтственныхъ рѣчахъ на открытіи конгресса, но еще болѣе краснорѣчивое выраженіе находила она въ самомъ фактѣ конгресса и въ его обстановкѣ.

Какъ я уже имѣлъ случай отмѣтить, по поводу личнаго состава конгресса, интересъ къ нему въ широкихъ кругахъ англійскаго общества проявился между прочимъ въ наплывѣ членовъ не только изъ среды ученаго міра, но также и изъ среды самыхъ разнообразныхъ интеллигентныхъ профессій, наконецъ,—что является особенно характернымъ для Англіи—изъ верхнихъ, аристократическихъ слоевъ общества.

Англичане взглянули на международный ученый конгрессъ еще и какъ на своего рода международный смотръ своимъ научнымъ и культурнымъ силамъ. Вполнѣ естественно, что они постарались показать себя лицомъ передъ съѣхавшимися со всѣхъ концовъ культурнаго міра иностранцами. Но дѣлали они это со спокойной увѣренностью людей, которымъ нечего бояться „ударить въ грязь лицомъ". Для достиженія этой задачи англичанамъ достаточно было облегчить иностраннымъ ученымъ ознакомленіе съ доступными быстрому обозрѣнію пріобрѣтеніями многовѣковой англійской культуры, что они, дѣйствительно, и сдѣлали,—при чемъ проявили не только свойственную имъ толковость и умѣлость, но и большую внимательность и предупредительность, то-есть такія качества, которыя не принято считать типичными для англійскаго характера. Не могу сравнивать римскій конгрессъ, гдѣ не имѣлъ случая быть, но про хорошо памятный мнѣ берлинскій могу сказать категорически, что въ столицѣ Германской имперіи конгрессисты не испытали и десятой доли того вниманія и предупредительности, которой они были окружены въ столицѣ „старой Англіи".

Начну съ того, что было особенно оцѣнено историками. Въ Лондонѣ они получили возможность осматривать музеи, памятники и достопримѣчательности при исключительно благопріятной обстановкѣ. Для конгрессистовъ назначались особые часы, свободные отъ засѣданій, при чемъ осмотръ производился подъ непосредственнымъ руководствомъ лицъ, стоящихъ во главѣ каждаго учрежденія. Такъ, соборъ св. Павла конгрессисты имѣли возможность осматривать подъ непосредственнымъ руководствомъ „декана", то-есть старшаго представи-

теля соборнаго духовенства. Трогательно было видѣть, какъ этотъ престарѣлый clergyman въ теченіе двухъ часовъ подъ-рядъ водилъ группу конгрессистовъ по всему колоссальному храму, спускался съ ними въ подземелье, поднимался по узкимъ витымъ лѣстницамъ подъ куполъ, на хоры, заботливо оглядываясь назадъ, не отсталъ ли кто, особенно дамы, останавливая вниманіе посѣтителей передъ особенно замѣчательными памятниками, которыми переполненъ соборъ, и деталями архитектуры, скульптуры и живописи. Знаменитый историческій Tower, этотъ лондонскій кремль, гдѣ чуть не каждый камень связанъ съ какимъ-нибудь историческимъ, зачастую трагическимъ воспоминаніемъ, конгрессисты осматривали подъ такимъ же непосредственнымъ и любезнымъ руководствомъ губернатора этой исторической крѣпости, пожилого, но очень бодраго генерала, правда, въ штатскомъ платьѣ (въ Англіи генералы и офицеры носятъ форму только въ строю и въ парадныхъ случаяхъ). При этомъ намъ, иностранцамъ, былъ открытъ доступъ въ такія мѣста, въ которыя и англичанамъ лишь немногимъ удается проникнуть, напримѣръ—въ знаменитую историческую башню, за толстыми стѣнами которой хранятся королевскія регаліи и прочія государственныя драгоцѣнности Англіи. Это — святая святыхъ Тауэра, куда доступъ для публики совершенно закрытъ (а въ настоящее время, вскорѣ послѣ конгресса, закрытъ и вообще входъ въ Тауэръ, изъ опасеній какихъ либо сумасбродныхъ покушеній со стороны суфражистокъ—этого своеобразнаго бича современной Англіи). Круглая камера, въ которой помѣщаются государственныя драгоцѣнности, совершенно безъ оконъ и освѣщается внутри электричествомъ. Входомъ въ нее служитъ узкая и низкая дверь, похожая на щель въ толщѣ гранитной стѣны. Дверь эта отпирается только передъ губернаторомъ Тауэра. И при всемъ томъ, несмотря на то, что нами предводительствовалъ послѣдній, и несмотря на то, что при входѣ въ Тауэръ мы уже предъявляли свои пригласительные билеты, здѣсь охранявшіе входъ полисмены попросили насъ еще разъ показать при входѣ свои билеты. Самыя драгоцѣнности хранятся всѣ въ стеклянныхъ витринахъ, защищенныхъ снаружи желѣзными рѣшетками въ хорошій палецъ толщиной. Витрина, въ которой хранятся королевскія регаліи и наиболѣе цѣнныя историческія драгоцѣнности, представляетъ собою огромный стеклянный колпакъ, занимающій средину круглой камеры и наглухо заключенный въ желѣзную рѣшетку. Когда англичане считаютъ нужнымъ что-нибудь охранять, то дѣлаютъ это съ тою серьезностью и добросовѣстностью, которыя составляютъ одну изъ основ-

ныхъ чертъ англійскаго характера. При осмотрѣ музеевъ, конгрессисты пользовались непосредственнымъ руководствомъ ихъ директоровъ и хранителей, при чемъ почти всюду послѣ осмотра посѣтителямъ предлагался чай, тотъ неизбѣжный five o'clock tea („пятичасовой чай"), про который сами англичане шутливо говорятъ, что онъ такъ называется потому, что сервируется въ четыре часа (точнѣе, въ половинѣ пятаго). Обыкновенно къ этому часу заканчивались осмотры музеевъ и другихъ предоставленныхъ для осмотра конгрессистамъ учрежденій. Такимъ образомъ, осмотръ достопримѣчательностей для конгрессистовъ былъ не только обставленъ особенными удобствами, но и носилъ оттѣнокъ деликатнаго гостепріимства. Этотъ послѣдній элементъ, элементъ гостепріимства, въ нѣкоторыхъ случаяхъ выступалъ даже на первый планъ, напримѣръ, при посѣщеніи королевскаго дворца въ Виндзорѣ, такъ называемаго Ламбетскаго дворца (Lambeth Palace), исторической резиденціи архіепископовъ Кентерберійскихъ, а также двухъ старѣйшихъ англійскихъ университетовъ — Оксфордскаго и Кэмбриджскаго. Быть можетъ, подобный же характеръ имѣло посѣщеніе конгрессистами и нѣкоторыхъ другихъ учрежденій, но, къ сожалѣнію, за недостаткомъ времени, личное участіе мнѣ пришлось принять лишь въ немногихъ изъ тѣхъ групповыхъ посѣщеній, которыя были въ изобиліи организованы для конгрессистовъ. Отмѣчу лишь здѣсь, „для памяти", по сохранившемуся у меня списку, названія тѣхъ учрежденій, кромѣ уже названныхъ, групповое посѣщеніе которыхъ, связанное съ извѣстнымъ оттѣнкомъ гостепріимства, было организовано для членовъ конгресса (преимущественно иностранцевъ). Кромѣ уже названныхъ, этими учрежденіями были: Вестминстерскій дворецъ, т.-е. зданіе парламента („домъ парламента", какъ называютъ его англичане: House of Parliament), Вестминстерское аббатство (Westminster Abbey), Британскій Музей (British Museum), Центральный Государственный Архивъ (Public Record Office), Grosvenor House, Apsley House, Lansdowne House, Bridgwater House, The Temple, картинная галлерея сэра Фредерика Кука, School of Economic, Зоологическій садъ въ одномъ изъ знаменитыхъ лондонскихъ парковъ (Regent's Park).

Остановлюсь болѣе подробно на посѣщеніи Виндзорскаго и Ламбетскаго дворцовъ и обоихъ старыхъ англійскихъ университетовъ, оставившемъ, повидимому, особенно глубокое впечатлѣніе въ участвовавшихъ въ немъ конгрессистахъ.

Принявшій на себя званіе „патрона" конгресса, Его Величество король Георгъ V изволилъ выказать особое вниманіе послѣднему при-

глашеніемъ части конгрессистовъ въ свой историческій Виндзорскій дворецъ. До пятисотъ членовъ Конгресса получили вскорѣ по открытіи послѣдняго такого рода пригласительныя карточки (печатныя съ вписанными перомъ именами): By Invitation of His Majesty the King. Admit (имя) to Windsor Castle, April 5, 1913, 3—6 p. m. A special train will leave the G. W. R. Station, Paddington, W., at 2. 10 p. m., and the G. R. G. W. R. Station, Windsor, at 6. 15 p. m. G. W. Prothero (Chairman, Reception Committee). (Въ переводѣ: „По приглашенію Его Величества Короля. Допускается (такой-то) въ Виндзорскій замокъ 5-го апрѣля 1913 г., отъ 3 до 6 ч. веч. Спеціальный поѣздъ отойдетъ отъ станціи Паддингтонъ въ 2 ч. 10 м., отъ станціи Виндзоръ въ 6 ч. 15 м. Ж. В. Протеро, предсѣдатель Комитета по пріему гостей"). Огромный спеціальный поѣздъ, наполненный конгрессистами, сдѣлалъ 40-верстное разстояніе отъ Лондона до Виндзора ровно въ полчаса. Небольшой кусокъ отъ станціи до дворца конгрессисты прошли пѣшкомъ, растянувшись длинной вереницей саженъ на сто въ длину. Это имѣло видъ своеобразной процессіи. Было много дамъ. Погода стояла прелестная, и для любителей пейзажа Виндзорскій замокъ съ его живописными окрестностями показалъ себя лицомъ. У Вильгельма Завоевателя, положившаго основаніе Виндзорскому замку, видимо, не было недостатка въ эстетическомъ вкусѣ. Впрочемъ, мѣсто для замка, на холмѣ, омываемомъ Темзой, вблизи Лондона, могло быть подсказано столько же стратегическими, сколько и эстетическими соображеніями. Виндзорскій дворецъ продолжалъ строиться, перестраиваться и шириться вплоть до царствованія королевы Викторіи, которая внесла въ многовѣковое сооруженіе англійскихъ королей новыя поправки въ духѣ новѣйшаго уюта и комфорта. Но въ общемъ дворецъ сохранилъ на себѣ глубокій отпечатокъ сѣдой старины. Отъ средневѣковаго замка, конечно, осталось теперь очень мало; тѣмъ не менѣе, по свойственному англичанамъ консерватизму, они продолжаютъ и теперь называть Виндзорскій дворецъ *замкомъ* (Windsor Castle).

Прибывшіе конгрессисты были встрѣчены управляющимъ дворца лордомъ Гамильтономъ, завѣдующимъ королевской библіотекой Джономъ Фортескью, хранителемъ королевскихъ картинъ и произведеній искусства (surveyor of the King's Pictures and Works of Art), хранителемъ королевскаго оружія (Keeper of the King's Armoury) и смотрителемъ зданій. Подъ руководствомъ означенныхъ придворныхъ чиновъ посѣтителямъ были показаны такъ называемые „государственные аппар-

таменты“ (State Apartments) дворца, представляющіе собою сплошь картинную галлерею и художественно-историческій музей, а также— королевская библіотека, придворная Капелла св. Георгія, законченная Генрихомъ VIII и представляющая собою одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ шедевровъ поздней англійской готики. Осмотръ дворца закончился какъ разъ къ обычному времени „пятичасового чая“, который, дѣйствительно, и былъ предупредительно сервированъ гостямъ въ одной изъ новыхъ залъ дворца. Кромѣ обычныхъ тортовъ и печеній къ чаю и кофе, здѣсь въ изобиліи были предложены разнообразные „сандвичи“ (тартинки) и въ заключеніе—шампанское. Послѣ королевскаго „чая“ гости прошлись по кусочку знаменитой террасы въ полверсты длиной, откуда открывается широкій и живописный видъ на разстилающійся внизъ отъ замка огромный паркъ съ безконечными изумрудными лужайками-газонами, на причудливо извивающуюся Темзу и утопающіе въ садахъ ея живописные берега. Въ шесть часовъ посѣтители такой же дружной гурьбой, какъ пришли тремя часами ранѣе, покинули гостепріимныя стѣны величайшаго изъ историческихъ замковъ Англіи, унося съ собой цѣлый рой пріятныхъ и интересныхъ впечатлѣній, для полноты которыхъ недоставало лишь вида самихъ гостепріимныхъ хозяевъ, такъ какъ, по случаю траура по убитомъ королѣ Греціи, всѣ пріемы при дворѣ были отмѣнены.

Ламбетскій дворецъ, историческая резиденція архіепископовъ Кентерберійскихъ, примасовъ англійской церкви, представляетъ собою старинное сооруженіе типа англійскихъ средневѣковыхъ замковъ, съ новыми, правда, пристройками. Своимъ фасадомъ онъ выходитъ на Темзу, какъ разъ противъ Вестминстерскаго дворца (по другую сторону рѣки), а противоположной стороной—въ огромный собственный паркъ, дающій изъ оконъ дворца почти полную иллюзію деревенскаго или дачнаго пейзажа. Помимо историческаго интереса самаго зданія, внутри Ламбетскій дворецъ представляетъ собою настоящій историческій и художественный музей, интересный въ особенности своей единственной въ мірѣ полной коллекціей портретовъ (всѣ въ натуральную величину) архіепископовъ Кентерберійскихъ. Мнѣ посчастливилось попасть въ число той десятой части конгрессистовъ, которой было ограничено число посѣтителей архіепископскаго дворца (именно — сотней человѣкъ). Лица, попавшія въ это число, вмѣсто ожидаемыхъ „входныхъ билетовъ“, получили отъ архіепископа и его супруги пригласительныя карточки „на чашку чаю“. Приведу текстъ приглашенія (напечатанный, кромѣ имени, которое вписано

перомъ): His Grace the Archbishop of Canterbury and Mrs. Davidson request the Pleasure of (имя) Company to Tea, at 4. 15 p. m., on Tuesday, April 8-th, at Lambeth Palace (въ переводѣ: „Его Благость Архіепископъ Кентерберійскій и миссисъ Дэвидсонъ просятъ (имя) доставить имъ удовольствіе, пожаловать на чашку чаю, къ 4 ч. 15 м. во вторникъ 8-го апрѣля, въ Ламбетскомъ дворцѣ"). Гостей привѣтливо встрѣчали супруга архіепископа, миссисъ Дэвидсонъ, почтенная, сѣдая лэди, одѣтая съ аристократической простотой, и самъ архіепископъ, убѣленный сѣдинами, но очень бодрый старецъ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, съ свѣтлымъ и въ то же время необычайно глубокимъ взглядомъ, съ лицомъ рѣдкой духовной красоты, напомнившимъ мнѣ почему-то глаза покойнаго Владиміра Соловьева, хотя о внѣшнемъ сходствѣ этихъ двухъ лицъ не можетъ быть и рѣчи. Но въ этомъ лицѣ было что-то до такой степени притягательное, что я не удержался, чтобы при первой возможности не заговорить съ архіепископомъ, который любезно согласился разговаривать со мною по-французски, хотя это, видимо, ему было не особенно легко. Изъ этого небольшого разговора я узналъ, между прочимъ, что архіепископъ былъ много лѣтъ тому назадъ въ Россіи (еще до своего архіепископства), именно въ Одессѣ, и что онъ надѣется побывать еще разъ въ Россіи, чтобы посмотрѣть наши столицы. Когда гости оказались въ сборѣ, архіепископъ, съ неожиданною для многихъ легкостью, очутился вдругъ стоя на стулѣ и съ этой импровизированной трибуны обратился къ гостямъ съ объяснительными указаніями относительно развѣшанныхъ по стѣнамъ залы картинъ и портретовъ. По окончаніи своей рѣчи онъ съ такой же непринужденностью и легкостью почти молодого человѣка сошелъ со стула на полъ и, предложивъ гостямъ осматривать дворецъ и угощаться чаемъ, какъ-то незамѣтно стушевался и исчезъ. Надо замѣтить, что вообще у англичанъ не принято „угощать" гостей, въ нашемъ русскомъ смыслѣ этого слова: имъ предоставляется *угощаться*, кто какъ хочетъ. Такъ было и тутъ. Длинный, накрытый бѣлой скатертью столъ былъ обильно уставленъ кофейниками, чайными приборами, печеньями, тортами и проч. Съ одной стороны стола стояла прислуга, готовая къ услугамъ гостей, съ другой гости сами подходили къ столу и спрашивали себѣ чашку чая или кофе и сами брали себѣ на тарелку кусокъ торта, печенья и т. п. и угощались, кто стоя, кто подсаживаясь на стулъ, въ кресло или на диванъ, смотря по вкусу и обстоятельствамъ.

Экскурсіи въ Оксфордъ и Кэмбриджъ состоялись уже послѣ за-

крытія съѣзда, послѣ полудня 9-го апрѣля. Списокъ экскурсантовъ, ограниченный сотней человѣкъ въ каждой экскурсіи, былъ составленъ по предварительной записи, при чемъ, уже независимо отъ послѣдней, часть экскурсантовъ получили спеціальныя приглашенія на обѣдъ и раутъ, данные въ тотъ же вечеръ въ честь конгрессистовъ отъ имени университетскихъ корпорацій и мѣстныхъ членовъ конгресса. Утромъ 9-го апрѣля экскурсанты получили, чрезъ почтовое бюро „до востребованія", организованное съ самаго начала конгресса для его членовъ при канцеляріи послѣдняго, въ „Галлереяхъ Графтона", отлитографированную программу поѣздки съ приложеніемъ спеціально изданнаго на этотъ случай маленькаго схематическаго плана Кэмбриджа, на которомъ красной краской были намѣчены всѣ университетскіе колледжи. Такъ какъ я участвовалъ въ кэмбриджской экскурсіи, то о ней только и буду говорить. Въ программѣ было точно указано, съ какимъ поѣздомъ и съ какого вокзала выѣзжать, когда онъ приходитъ въ Кэмбриджъ, какіе имѣются способы сообщенія въ Кэмбриджѣ и ихъ такса. По пріѣздѣ въ Кэмбриджъ (поѣздъ приходилъ въ 4 ч. 20 м.) экскурсанты приглашались отъ имени „хозяевъ" (Masters) двухъ университетскихъ колледжей, Saint-John's College и Peterhouse („хозяиномъ" послѣдняго былъ проф. Уордъ, президентъ конгресса), пожаловать къ 4 ч. 30 м. на чашку чаю въ помѣщеніи перваго изъ названныхъ колледжей. Послѣ чаю гости подѣлятся на нѣсколько группъ для осмотра Кэмбриджа и университетскихъ зданій, подъ руководствомъ мѣстныхъ конгрессистовъ. Наконецъ, въ виду отсутствія удобнаго поздняго поѣзда для возвращенія въ Лондонъ въ тотъ же вечеръ, гостямъ предлагалось переночевать въ Кэмбриджѣ, въ одномъ изъ университетскихъ колледжей. Къ программѣ былъ приложенъ листокъ, въ которомъ указывалось, что помѣщеніе для меня отведено въ Trinity College. Привожу эти подробности, какъ очень характерныя для той предусмотрительности и поразительной внимательности, которыми отличается англійское гостепріимство. Васъ заблаговременно оріентируютъ во всемъ, что нужно, избавляютъ васъ отъ необходимости обращаться съ разспросами и справками, дѣлаютъ для васъ ненужной чью бы то ни было опеку. Не мѣшало бы и намъ кое-чему поучиться въ этомъ отношеніи у англичанъ и, быть можетъ, принять не только къ свѣдѣнію, но и исполненію, когда черезъ четыре года намъ самимъ придется очутиться въ роли хозяевъ по отношенію къ приглашеннымъ нами будущимъ конгрессистамъ... Отмѣченная мною здѣсь черта англійскаго предусмотрительнаго гостепріимства нашла себѣ дальнѣйшее до-

полненіе. Когда по прибытіи въ Кэмбриджъ (разстояніе отъ Лондона около сотни верстъ, время переѣзда около полутора часа) меня провели въ отведенное мнѣ помѣщеніе въ Trinity College и, по англійскому обычаю, немедленно предоставили меня себѣ самому, то первымъ дѣломъ мнѣ бросились въ глаза лежавшіе на видномъ мѣстѣ на столѣ три запечатанныхъ конверта съ моимъ адресомъ. Въ одномъ конвертѣ оказалась маленькая программа, тоже литографированная, съ указаніемъ, гдѣ и въ какомъ часу ожидаетъ меня сегодняшній чай и завтрашній утренній завтракъ; къ программѣ былъ приложенъ маленькій, тоже литографированный схематическій планъ колледжа, съ указаніемъ, гдѣ находятся различныя помѣщенія, необходимыя для гостя. Благодаря всему этому, я имѣлъ возможность—едва ли не единственную въ жизни—съѣздить въ чужой городъ, прожить около сутокъ въ совершенно новой и чуждой обстановкѣ, не имѣвши необходимости ни разу обращаться къ кому бы то ни было съ какими-нибудь вопросами и справками... Въ другихъ двухъ конвертахъ оказались двѣ печатныя пригласительныя карточки (съ вписаннымъ перомъ именемъ), одна отъ имени Master of Peterhouse, President of the British Academy, на обѣдъ въ „коллегіальномъ залѣ" Питергауза (Peterhouse—названіе одного изъ университетскихъ колледжей) въ 7 часовъ веч.; другая—отъ имени вице-канцлера (Vice-Chancellor) Кэмбриджскаго университета и мѣстныхъ членовъ международнаго историческаго конгресса—на раутъ (Reception) въ Королевскомъ Колледжѣ (King's College) въ тотъ же вечеръ съ 9 до 11 часовъ. Такимъ образомъ, вся вторая половина дня оказывалась заполненной безъ остатка. Въ нѣсколько часовъ экскурсантамъ пришлось воспринять массу новыхъ и оригинальныхъ впечатлѣній. Даже зная заранѣе по книгамъ объ особенностяхъ англійской и въ частности университетской жизни, съ ея унаслѣдованными отъ средневѣковья колледжами, похожими на монастыри, не только по своему внѣшнему виду, но и по внутреннему жизненному укладу, иностранецъ, особенно русскій, чувствуетъ себя охваченнымъ чѣмъ-то новымъ, невиданнымъ, своеобразнымъ, не похожимъ не только на „наше", но и на „заграничное"—нѣмецкое, французское, напримѣръ. Съ присущимъ имъ своеобразнымъ консерватизмомъ и піэтетомъ къ традиціи, англичане сохранили у себя до сихъ поръ средневѣковый типъ университета, какъ автономной корпораціи, слагающейся изъ болѣе мелкихъ корпорацій, „коллегій" или „колледжей", которые, кромѣ совмѣстной автономной жизни, ведутъ и каждая особое, не замкнутое, но индивидуальное и тоже до извѣ-

стной степени автономное существованіе. Университетъ остался до сихъ поръ въ Англіи союзомъ колледжей, и внѣшнее, наглядное выраженіе этотъ характеръ англійскаго университета, какъ онъ сохранился въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ, находитъ себѣ въ университетской архитектурѣ. Ни въ Оксфордѣ ни въ Кэмбриджѣ вы не найдете университета, какъ зданія, подобнаго, скажемъ, Берлинскому, Московскому, Кіевскому университетамъ. Тамъ университетъ, въ архитектурномъ смыслѣ, существуетъ не какъ единица, а какъ совокупность единицъ, каковыми и являются колледжи. И ростъ университета, скажемъ—Кэмбриджскаго, выражается въ постепенномъ возникновеніи новыхъ колледжей. Питергаузъ и есть самый древній университетскій колледжъ въ Кэмбриджѣ. Основанный во второй половинѣ тринадцатаго вѣка епископомъ Hugo de Balsham, теперешній Peterhouse, называвшійся тогда Domus Sancti Petri, sive Aula scholarium Episcopi Eliensis, и является той ячейкой, изъ которой, путемъ возникновенія новыхъ колледжей (число которыхъ теперь около полутора десятка), развился современный Кэмбриджскій университетъ. Архитектурный типъ университетскаго колледжа напоминаетъ монастырь. Это болѣе или менѣе обширное четыреугольное зданіе, съ глухими наружными стѣнами, съ окнами, выходящими во внутренній, тоже четыреугольный обширный дворъ, съ монументальными, обыкновенно съ башней, воротами, выходящими на улицу. Внутри дворъ представляетъ почти сплошной гладкій газонъ, съ которымъ великолѣпно гармонируютъ потемнѣвшія вѣковыя стѣны зданія, задрапированныя мѣстами вплоть до крыши иногда сплошнымъ зеленымъ плащемъ изъ вьющагося плюща. Общее впечатлѣніе, когда входишь во дворъ колледжа —впечатлѣніе монастырскаго покоя и монастырской же суровости. Но когда войдешь внутрь зданія или взглянешь на примыкающій къ колледжу роскошный паркъ съ его изумрудными газонами, съ площадками для игръ, съ прудами, окруженными вѣеромъ изъ гребныхъ лодокъ, то замѣчаешь, что средневѣковая монастырская суровость нашла себѣ надлежащій коррективъ въ современномъ комфортѣ и спортѣ. Къ сожалѣнію, для полноты картины недоставало главнаго контингента обитателей университетскихъ колледжей—студентовъ, которые отсутствовали по случаю вакацій. Но по обстановкѣ можно судить о томъ довольствѣ и комфортѣ, которымъ пользуются современные обитатели средневѣковыхъ колледжей. У каждаго студента своя „келья“, состоящая изъ двухъ комнатъ: просторнаго салона-кабинета и небольшой спальни. Тутъ же, въ колледжѣ, живутъ рядомъ со студентами

неженатые профессора и молодые ученые, подготовляющіеся къ профессорскому званію. Всѣ они составляютъ что-то въ родѣ одной семьи, немножко на монастырскій ладъ, такъ какъ, по изстари заведенному правилу, женщины для проживанія въ колледжахъ не допускаются. Исключеніе дѣлается только для приглашенныхъ въ гости да для прислуги, и то въ послѣднемъ случаѣ лишь по достиженіи послѣдней болѣе или менѣе почтеннаго возраста, если судить по тѣмъ немногимъ экземплярамъ, которые мнѣ пришлось тамъ встрѣтить. Монастырскій характеръ профессорско-студенческихъ общежитій подчеркивается наличностью въ каждомъ колледжѣ домовой церкви, обыкновенно составляющей особый корпусъ, хотя и связанный съ остальными строеніями, но доминирующій надъ ними; особенно величественна готическая капелла при Королевскомъ колледжѣ.

На чаѣ въ Сенъ-Джонсъ-Колледжѣ присутствовали всѣ экскурсанты, которыхъ насчитывалось до сотни, въ томъ числѣ десятка три женщинъ. На обѣдѣ же, въ Питергаузѣ, присутствовало не болѣе сорока человѣкъ, безъ дамъ. Число приглашенныхъ должно было быть поневолѣ ограничено, въ виду небольшихъ размѣровъ коллегіальнаго зала. Обѣдъ носилъ торжественно-университетскій характеръ. Хозяева кэмбриджскіе профессора и молодые ученые были въ своихъ парадныхъ костюмахъ, средневѣковыхъ длиннополыхъ мантіяхъ съ соотвѣтствующими традиціонными беретами на головахъ. Первоначально обѣдъ носилъ нѣсколько офиціальный характеръ, но скоро сосѣди перезнакомились между собой, и полились оживленные разговоры на пяти или шести языкахъ. Я очутился въ сосѣдствѣ — справа съ англичаниномъ, кэмбриджскимъ профессоромъ Clapham'омъ (однимъ изъ участниковъ коллективной Cambridge Modern History), очень хорошо говорившимъ по-французски (большая рѣдкость среди англичанъ), слѣва— съ молодымъ кэмбриджскимъ ученымъ Минисомъ, говорившимъ, и притомъ очень недурно, по-русски (что уже изъ рѣдкостей рѣдкость); моимъ vis-à-vis оказался чешскій ученый Новакъ, тоже говорившій немного по-русски, хотя и много хуже, чѣмъ по-нѣмецки. Завязавшійся между нами троими разговоръ совершался попеременно на четырехъ языкахъ. И нѣчто подобное происходило почти во всѣхъ пунктахъ небольшого университетскаго зала, вѣроятно впервые за свое многовѣковое существованіе видѣвшаго въ своихъ стѣнахъ подобное смѣшеніе языковъ. Подъ вліяніемъ общаго оживленія, съ середины обѣда съ легкой руки хозяина, проф. Уорда, полились рѣчи, сначала по-англійски, потомъ по-нѣмецки (Эд. Мейеръ и др.), наконецъ и по-

французски (проф. Бемонъ, Hauser). Что касается русской рѣчи, то она звучала робко лишь тамъ-сямъ между сосѣдями. Изъ русскихъ на обѣдѣ присутствовали, кромѣ пишущаго эти строки, мой коллега по Кіевскому университету, проф. Н. М. Бубновъ, петербургскіе профессора В. Дерюжинскій, Митрофановъ, М. Ростовцевъ и проф. Юрьевскаго университета Е. В. Тарле.

Послѣ обѣда изъ Питергауза гости направились длинной вереницей въ Королевскій колледжъ, на раутъ. Здѣсь оказалось гораздо болѣе людное собраніе, такъ какъ приглашеній на раутъ было разослано гораздо болѣе, чѣмъ на обѣдъ. Присутствовало и нѣсколько дамъ изъ профессорскихъ семей. Было людно, оживленно и въ общемъ — очень интересно. Собрались люди съ самыхъ отдаленныхъ концовъ земного шара,—люди, не всегда могшіе объясниться другъ съ другомъ, а между тѣмъ чувствовалось что-то семейное: чувствовалась университетская семья.

До сихъ поръ я говорилъ лишь о тѣхъ организованныхъ для членовъ конгресса посѣщеніяхъ и экскурсіяхъ, въ которыхъ главную роль игралъ тотъ или другой научный или научно-художественный интересъ, и гостепріимство играло роль лишь, такъ сказать, сопутствующаго элемента. Но мой отчетъ о съѣздѣ былъ бы не полонъ, если бы я прошелъ молчаніемъ и тѣ моменты конгресса, въ которыхъ его участникамъ приходилось сталкиваться съ хозяевами-англичанами на почвѣ чистаго гостепріимства. Умолчать объ этомъ я считаю себя тѣмъ менѣе въ правѣ, что у насъ, и вообще у „континенталовъ" (какъ сами англичане обыкновенно обозначаютъ остальныхъ европейцевъ: *Continentals*, въ противоположность себѣ, какъ „островитянамъ", *Insulars*), сложилось совершенно ошибочное мнѣніе объ англійской „замкнутости", „угрюмости", „нелюдимости" и т. п. Это общераспространенное мнѣніе покоится на поверхностномъ знакомствѣ нашемъ съ англичанами, точь въ точь, какъ столь же общераспространенное мнѣніе о французскомъ легкомысліи покоится на одинаково поверхностномъ знакомствѣ съ французами. Но стоитъ лишь поближе познакомиться съ „легкомысленными" французами, чтобы убѣдиться въ ихъ серьезности, которой и намъ самимъ не мѣшаетъ у нихъ поучиться; стоитъ лишь ближе познакомиться съ англичанами въ ихъ собственной странѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, что они не только гостепріимны, въ чемъ мы имъ, впрочемъ, не уступимъ,—но и умѣютъ оказывать гостепріимство, не стѣсняя имъ своихъ гостей, чему вотъ намъ, дѣйствительно, не мѣшаетъ у нихъ поучиться. Англійское го-

степріимство чуждо той экспансивности, граничащей зачастую съ навязчивостью, которыми зачастую грѣшитъ наше гостепріимство, и которыя лишаютъ гостя того, чѣмъ всего болѣе дорожитъ англичанинъ у себя, и что всего болѣе уважаетъ въ другомъ,—личной автономіи.

Во всякомъ случаѣ многіе изъ тѣхъ, что имѣли удовольствіе участвовать въ лондонскомъ конгрессѣ, несомнѣнно вынуждены были подвергнуть коренному пересмотру многія изъ привезенныхъ съ собою предвзятыхъ мнѣній объ англійскомъ характерѣ и въ частности объ англійскомъ гостепріимствѣ. Не могу ничего сказать о первомъ историческомъ конгрессѣ (римскомъ), на которомъ не былъ, но приводя на память предыдущій, берлинскій, долженъ сказать по совѣсти, что англичане не только превзошли своимъ гостепріимствомъ нѣмцевъ, но прямо-таки затмили ихъ. Послѣдніе, помнится, ограничились лишь однимъ офиціальнымъ обѣдомъ, на который были даже не всѣ делегаты приглашены. Англичане устроили въ честь конгресса два парадныхъ обѣда, на которые были приглашены всѣ делегаты вмѣстѣ съ сопровождавшими ихъ, въ качествѣ членовъ-соревнователей, дамами. Первый изъ этихъ обѣдовъ, отъ имени лондонскаго Историческаго Общества, былъ устроенъ въ честь конгрессистовъ еще до офиціальнаго открытія конгресса, 1-го апрѣля, въ одной изъ залъ огромнаго Holborn Restaurant. Такъ какъ къ этому времени еще не всѣ конгрессисты съѣхались въ Лондонъ, то на обѣдѣ присутствовало всего лишь около 300 человѣкъ. На карточкѣ, рядомъ съ меню, была напечатана также и программа рѣчей, которая и была точно выполнена на обѣдѣ. Первую рѣчь и тостъ произнесъ предсѣдатель Историческаго Общества, кэмбриджскій профессоръ Firth, въ честь короля, какъ патрона конгресса. Второй тостъ былъ предложенъ тоже предсѣдателемъ, въ честь конгресса. Отвѣтъ, отъ имени конгресса, держали (согласно программѣ) берлинскій профессоръ Эдуардъ Мейеръ и французскій академикъ Кордье, оба по-англійски. Далѣе слѣдовалъ тостъ, произнесенный кэмбриджскимъ профессоромъ Гаскинсомъ (Haskins) въ честь Королевскаго Историческаго Общества; на него отвѣчалъ проф. Prothero, товарищъ предсѣдателя общества. Во всѣхъ рѣчахъ и тостахъ звучала исключительно англійская рѣчь; другимъ языкамъ предоставлялось поле частныхъ бесѣдъ между собутыльниками.

На другой день вечеромъ имѣлъ мѣсто Inaugural Reception, устроенный отъ имени президента и членовъ бюро конгресса въ честь конгрессистовъ въ обширныхъ помѣщеніяхъ Grafton Galleries. Но особенной парадностью и торжественной импозантностью отличался дан-

ный на другой день, 3-го апрѣля, въ день открытія конгресса, „правительственный банкетъ“ (Government Banquet, какъ онъ значится въ печатномъ спискѣ Social Arrangements конгресса). Приглашенія на этотъ банкетъ были разосланы конгрессистамъ еще до открытія конгресса отъ имени „королевскаго правительства“ (on behalf of His Majesty's Government). Этотъ банкетъ-монстръ, въ которомъ участвовало до девятисотъ человѣкъ, имѣлъ мѣсто въ огромномъ залѣ колоссальной аристократической гостиницы Hotel Cecil, подъ предсѣдательствомъ „президента вѣдомства воспитанія“ (the President of the Board of Education), т. е. министра народнаго просвѣщенія, и имѣлъ столько же импозантный, сколько парадный и вмѣстѣ блестящій видъ; мущины были во фракахъ, многіе при орденахъ почти всѣхъ странъ; дамы въ блестящихъ, многія въ роскошныхъ туалетахъ, съ шевелюрами и декольте, сверкавшими брилліантами. Но каковы должны быть рессурсы и оборудованіе ресторана, для того, чтобы сервировать роскошный обѣдъ разомъ на 900 персонъ, чтобы при этомъ ничего не было ни остывшаго, ни пережареннаго, или недожареннаго,—чтобы при этомъ не произошло никакого замедленія, никакой заминки. И этотъ tour de force рестораторіи былъ продѣланъ съ артистической „чистотой“,—какъ говорится, безъ всякой задоринки, при томъ съ чисто англійскимъ спокойствіемъ и отсутствіемъ всякой спѣшки и суетливости со стороны руководящаго и служащаго персонала отеля. Другой tour de force, выполненный организаторами этого банкета-монстръ, заключался въ столь же „чистомъ“ выполненіи задачи—разсадить по мѣстамъ, безъ толкотни, давки и недоразумѣній, въ какихъ-нибудь пять минутъ всю эту многоголовую, многоязычную и разноплеменную толпу, сошедшуюся въ первый (и, конечно, въ послѣдній разъ) въ жизни въ просторномъ, но все же тѣсноватомъ для почти тысячеголовой толпы авансалѣ обѣденнаго зала. Задача эта была выполнена при помощи того простого орудія, которымъ вообще англичане такъ умѣло пользуются для оріентировки самихъ себя и другихъ: при помощи печатнаго слова. Каждому гостю при входѣ выдавалась напечатанная на роскошной бумагѣ брошюра въ два печатныхъ листа, большого формата in-8. На обложкѣ жирнымъ шрифтомъ значилось: Table Plan. International Congress of Historical Studies, 1913. Hotel Cecil. Dinner, Thursday, April 3-rd, 1913 (въ переводѣ: „Планъ Стола. Международный историческій конгрессъ, 1913. Отель Сесиль. Обѣдъ, вторникъ, 3-го апрѣля 1913 г.“) Въ этой брошюрѣ гость находилъ прежде всего планъ обѣденной залы съ точнымъ указаніемъ располо-

женія столовъ, каждый подъ особымъ номеромъ; всего столовъ было пятьдесятъ одинъ, за каждымъ столомъ отъ десяти до двадцати приборовъ. Остальная часть брошюры содержала алфавитный списокъ гостей, съ указаніемъ номера стола, противъ каждаго имени. Найти свое имя въ алфавитѣ—дѣло нѣсколькихъ секундъ. Еще нѣсколько секундъ—для того, чтобы найти на планѣ мѣсто стола. И вотъ когда пригласили занимать мѣста, то каждый заранѣе зналъ, куда ему идти, а подойдя къ столу нетрудно было уже найти свое мѣсто, такъ какъ при каждомъ приборѣ имѣлась карточка съ каллиграфически написаннымъ именемъ гостя. Вотъ то довольно простое волшебство, при помощи котораго англичане умѣютъ вносить порядокъ, стройность и благопристойность тамъ, гдѣ мы привыкли считать хаосъ, сутолоку и неразбериху чѣмъ-то неизбѣжнымъ и неотвратимымъ, въ родѣ градобитія или землетрясенія. Почему бы, однако, и намъ не усвоить это простое волшебство, весь секретъ котораго заключается въ умѣньи использовать кстати, даже и въ мелочахъ жизни, искусство книгопечатанія, и у насъ, вѣдь, давно не составляющее секрета?..

Ораторская часть банкета открылась рѣчью предсѣдателя банкета (Chairman), министра народнаго просвѣщенія (the President of the Board of Education), the Rt. Hon. Joseph H. Pease. „Какъ начальникъ вѣдомства воспитанія (as Master for Education),—сказалъ министръ,—я получилъ отъ Его Величества повелѣніе—привѣтствовать ваше прибытіе въ Лондонъ (to bid you a warm welcome to London). Государь поручилъ мнѣ также передать вамъ его пожеланіе, чтобы ваше посѣщеніе центра Британской Имперіи доставило вамъ удовольствіе, и его увѣренность, что ваши собранія и собесѣдованія увѣнчаются полнымъ успѣхомъ. Его Величество надѣялся даже встрѣтиться съ вами лично и выказать опредѣленнымъ образомъ свой интересъ къ Международному Историческому Конгрессу. Во всякомъ случаѣ интересъ этотъ не менѣе того, который былъ выказанъ десять лѣтъ тому назадъ королемъ Италіи во время вашего съѣзда въ Римѣ, или пять лѣтъ тому назадъ германскимъ императоромъ, когда вы были въ Берлинѣ. Однако жестокая рука убійцы помѣшала Его Величеству выполнить его первоначальное намѣреніе быть съ вами въ ближайшее воскресенье въ Виндзорскомъ замкѣ и своимъ личнымъ присутствіемъ показать то участіе, которое онъ принимаетъ въ вашемъ съѣздѣ на Британскихъ островахъ. Его Величество поручилъ мнѣ сказать вамъ, что хотя онъ и лишенъ возможности быть съ вами по случаю вашего посѣщенія Виндзора, онъ, тѣмъ не менѣе, надѣется,

что для васъ представитъ интересъ осмотръ имѣющихся въ замкѣ историческихъ коллекцій". Честь держать отвѣтъ на королевскій привѣтъ, отъ имени конгресса, была предоставлена нашему соотечественнику, президенту Императорской Археологической Комиссіи въ Петербургѣ и ея делегату, гр. А. А. Бобринскому. Отвѣтъ былъ, разумѣется, по-англійски, какъ и всѣ прочія рѣчи, которыхъ было, впрочемъ, всего еще двѣ: онѣ были (опять-таки согласно программѣ) произнесены Феликсомъ Либерманомъ, членомъ-корреспондентомъ Британской Академіи, и проф. Уордомъ, президентомъ Британской Академіи и историческаго конгресса.

„Правительственный банкетъ" завершился, въ тотъ же вечеръ и въ томъ же отелѣ, блестящимъ раутомъ, на который разсылались заранѣе особыя приглашенія.

Кромѣ упомянутыхъ офиціальныхъ чествованій, для отдѣльныхъ группъ конгрессистовъ былъ въ теченіе недѣли организованъ различными учеными корпораціями и отдѣльными лицами изъ среды мѣстныхъ конгрессистовъ и высшаго общества англійской столицы, цѣлый рядъ банкетовъ, five o'clock'овъ, раутовъ болѣе или менѣе семейнаго характера. Для иностранныхъ конгрессистовъ широко раскрылись двери не только музеевъ, библіотекъ, ученыхъ учрежденій, но и болѣе трудно открываемыя двери частныхъ домовъ, наконецъ — лондонскихъ общественныхъ клубовъ, цѣлый рядъ которыхъ гостепріимно открылъ свои двери членамъ конгресса, при чемъ сдѣлано было это въ изысканно деликатной формѣ, —въ формѣ избранія конгрессистовъ въ почетные члены того или другого клуба срокомъ на мѣсяцъ [1]). Ничего подобнаго въ Берлинѣ не было. Я не помню, чтобы получилъ тамъ какое либо приглашеніе отъ кого бы то ни было. Въ Лондонѣ, наоборотъ, конгрессисты были буквально завалены приглашеніями, такъ что, за неимѣніемъ времени, большинствомъ послѣднихъ даже не имѣли возможности воспользоваться. Можно, конечно, сказать, что всѣ эти проявленія гостепріимства „къ дѣлу не относятся", и это, разумѣется, вѣрно, если смотрѣть на международный историческій конгрессъ просто, лишь какъ на съѣздъ ученыхъ спеціалистовъ; но дѣло представляется совершенно въ иномъ свѣтѣ, если взглянуть на него съ болѣе широкой точки зрѣнія,—съ точки зрѣнія широкаго международнаго общенія

[1]) Это были шестнадцать клубовъ: Arts, Atheneum, Authors, Bath, Junior Atheneum, Junior Carlton, National Liberal, Neu Oxford and Cambridge, New University, Oriental, Reform, Royal Societies Club, Savil, Wellington, Halcyon Club, Lyceum Club. Послѣдніе два—женскіе (Ladies' Clubs).

на почвѣ культурныхъ интересовъ. Гостепріимство вѣдь есть не что иное, какъ одинъ изъ видовъ культурнаго общенія между людьми, и англичане были, по-моему, правы, отнесясь къ этой сторонѣ дѣла съ неменьшимъ вниманіемъ, чѣмъ и къ учено-дѣловой сторонѣ конгресса. И если въ этой послѣдней области они не сдѣлали никакого шага впередъ, по сравненію съ предыдущими конгрессами, то въ отношеніи культурно-общественной стороны конгресса и въ частности относительно культурнаго гостепріимства, они внесли новую, свѣжую и мощную струю, и это несомнѣнная заслуга не только организаторовъ лондонскаго конгресса, но и значительной части всего культурнаго общества англійской столицы, выказавшаго непривычные для насъ, „континенталовъ", отзывчивость и интересъ къ такому явленію, которое въ континентальныхъ странахъ проходитъ обыкновенно едва замѣченнымъ широкими кругами такъ называемаго „образованнаго" и особеннаго „высшаго" общества. Какъ бы хотѣлось, чтобы наше общество взяло себѣ за образецъ англичанъ не въ одной лишь области спорта и свѣтскаго снобизма...

IV.

Вопросъ о русскомъ языкѣ на международныхъ историческихъ конгрессахъ и приглашеніе ближайшаго конгресса въ Россію.

Перехожу теперь къ тѣмъ двумъ „русскимъ вопросамъ", поднятымъ и частью рѣшеннымъ на конгрессѣ, о которыхъ я вкороткѣ упомянулъ въ началѣ настоящей статьи; это—вопросъ о русскомъ языкѣ на международныхъ конгрессахъ и вопросъ о приглашеніи ближайшаго будущаго историческаго конгресса въ Россію. Первый изъ этихъ вопросовъ былъ поднятъ еще до открытія конгресса историко-филологическимъ факультетомъ университета св. Владиміра, по почину его декана, проф. Н. М. Бубнова; второй возникъ, совершенно неожиданно для большинства русскихъ делегатовъ, уже во время конгресса.

Исторія перваго вопроса, въ главныхъ чертахъ, такова. По поводу полученнаго университетомъ, кажется, еще весною 1912 г., и переданнаго въ историко-филологическій факультетъ приглашенія на лондонскій конгрессъ, возникъ вопросъ, на какомъ языкѣ отвѣтить на приглашеніе (сдѣланное, конечно, по-англійски). Было высказано мнѣніе, что разъ англичане приглашаютъ по-англійски, то и намъ, русскимъ, было бы всего естественнѣе отвѣтить по-русски. Однако, въ виду отсутствія прецедентовъ и завѣдомаго незнакомства англичанъ (за рѣдкими исключеніями) съ нашимъ языкомъ (а о присутствіи въ

организаціонномъ комитетѣ конгресса нашего соотечественника П. Г. Виноградова факультету извѣстно не было), рѣшено было послать отвѣтъ на французскомъ языкѣ, какъ языкѣ нейтральномъ и по традиціи международномъ. Тѣмъ не менѣе, по этому поводу возникъ оживленный обмѣнъ мнѣній между членами факультета, при чемъ деканомъ Н. М. Бубновымъ былъ поднятъ вопросъ вообще о правахъ русскаго языка и о своевременности потребовать и для русскаго языка мѣста на ряду съ тѣми четырьмя западно-европейскими языками, которые пользуются правомъ гражданства на международныхъ историческихъ конгрессахъ, т. е. французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и итальянскимъ. Указывалось на то, что время, когда русская наука вообще и въ частности историческая наука шла на помочахъ у западно-европейской, миновало, и что пора и для русскаго языка, представляющаго молодую, но уже твердо стоящую на собственныхъ ногахъ русскую науку и великую литературу русскую, за которой уже признано міровое значеніе,—пора признать анахронизмомъ устраненіе его, какъ языка научнаго общенія на международныхъ научныхъ (въ частности историческихъ) конгрессахъ. Указывалось на быстрый ростъ въ послѣднее время русской исторической литературы, которая все болѣе и болѣе находитъ себѣ признаніе и на Западѣ, что видно какъ изъ ежегоднаго появленія нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ переводовъ или переработокъ русскихъ изслѣдованій по исторіи Западной Европы, такъ и изъ того, что въ ученомъ мірѣ Запада появляется въ послѣднее время стремленіе къ изученію русскаго языка, съ цѣлью слѣдить за русской научно-исторической литературой: оставляя пока въ сторонѣ цѣлый рядъ молодыхъ ученыхъ — нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, изучившихъ или изучающихъ русскій языкъ съ этою цѣлью, можно указать на покойныхъ: мюнхенскаго профессора-византиниста Крумбахера, на французскаго академика, историка-правовѣда Родольфа Дареста, на оксфордскаго профессора Морфилля, на нынѣ здравствующихъ проф. Леже, Буайе, Омана и мн. др. Указывалось, далѣе, на то, что допущенія русскаго языка требуютъ интересы самой науки исторической, такъ какъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ допущенъ русскій языкъ на международныхъ историческихъ съѣздахъ, исторія Россіи, то-есть огромная область культурной человѣческой исторіи, будетъ стоять въ тѣни, и дѣятельность послѣднихъ будетъ всегда страдать серьезнымъ пробѣломъ. Послѣ оживленнаго обмѣна мнѣній, факультетъ пришелъ къ единогласному признанію, что своевременно возбудить вопросъ о допущеніи русскаго

языка въ обиходъ международныхъ историческихъ съѣздовъ, и просилъ своего декана, проф. Н. М. Бубнова, составить въ этомъ смыслѣ мотивированный докладъ. Докладъ этотъ, представленный факультету въ сентябрѣ 1912 г., былъ одобренъ факультетомъ, при чемъ было постановлено внести его на обсужденіе совѣта университета. Въ совѣтѣ докладъ проф. Бубнова, сдѣланный отъ имени факультета, встрѣтилъ живое сочувствіе, и послѣ оживленнаго обмѣна мнѣній, было также единогласно постановлено: 1) войти съ соотвѣтствующимъ представленіемъ въ бюро лондонскаго конгресса, и 2) одновременно обратиться къ Императорской Академіи Наукъ и ко всѣмъ русскимъ университетамъ съ предложеніемъ присоединиться къ этому рѣшенію совѣта. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено составленный проф. Бубновымъ докладъ напечатать въ видѣ брошюры, въ оригиналѣ и во французскомъ переводѣ, для разсылки русскимъ ученымъ и для раздачи членамъ лондонскаго конгресса. Въ виду того, что докладъ проф. Бубнова въ настоящее время цѣликомъ разошелся, считаю нелишнимъ привести здѣсь изъ него нѣсколько наиболѣе существенныхъ выдержекъ.

„Европа состоитъ изъ трехъ міровъ: міра романскаго, германскаго и славянскаго. Послѣдній территоріально и численно составляетъ даже бо́льшую половину Европы, и если до послѣдняго времени, въ смыслѣ накопленія культурныхъ благъ, онъ и уступалъ дорогу своему старшему собрату, то всему наступаетъ конецъ“.

„Вѣкъ XIX есть вѣкъ по преимуществу славянскаго возрожденія... Древнѣйшее и могущественнѣйшее изъ славянскихъ государствъ, числящее въ себѣ болѣе ста милліоновъ людей, говорящихъ и понимающихъ другъ друга на одномъ славянскомъ (русскомъ) языкѣ, Россія уже давно выработала богатый литературный языкъ и литературу, недавно открытую Западной Европой и вызвавшую въ ней справедливое восхищеніе. Языкъ этотъ и литература не имѣютъ себѣ, по литературному, политическому и торговому значенію, равнаго у славянъ... Научная русская литература выросла за XIX столѣтіе до поразительныхъ размѣровъ и въ настоящее время по нѣкоторымъ наукамъ (напр., исторіи) уступаетъ западнымъ только въ количественномъ, но не въ качественномъ отношеніи... Логика, справедливость и сила вещей требуютъ..., чтобы рядомъ съ двумя германскими и двумя романскими языками были формально признаны въ своихъ культурныхъ и научныхъ правахъ, по крайней мѣрѣ, два языка славянскихъ. Одинъ изъ нихъ долженъ быть конечно русскій, на другой пусть укажутъ другіе“.

„Ограниченіе языковъ является не только ненужнымъ, а прямо въ интересахъ дѣла и науки недопустимымъ и вреднымъ, когда дѣло идетъ объ исторіи, когда собирается конгрессъ историковъ. Бывшіе до сихъ поръ большіе конгрессы историковъ называются международными и по своей программѣ не ограничены исторіей греко-римскаго и романо-германскаго міра... Въ исторіи нѣтъ и не можетъ быть привилегированныхъ языковъ, или вѣрнѣе, для исторіи каждой страны ея собственный языкъ есть и культурный и привилегированный. Ограниченіе языковъ ведетъ здѣсь къ исторіи искусственно усѣченной, а не исторической Европы, или вѣрнѣе—къ усѣченію самой исторической науки. Исторія восточной Европы невозможна безъ славянскихъ языковъ и главнымъ образомъ — русскаго и польскаго, а она между тѣмъ представляетъ даже и для изученія явленій исторіи Западной Европы рядъ такихъ интересныхъ сопоставленій и сравненій, безъ которыхъ и исторія Запада будетъ недосказанной... Такимъ образомъ, совершенно ясно, что на историческихъ конгрессахъ ограниченіе докладовъ четырьмя языками не только устарѣло, несправедливо, но и ведетъ къ усѣченію науки". Ограничиваясь четырьмя языками, „конгрессы сами себя лишаютъ случая услышать что-нибудь коренным образомъ новое и интересное и отпугиваютъ отъ себя большое количество мѣстныхъ работниковъ, которые именно и могли бы сказать это новое".

Указавъ въ заключеніе на существующій съ недавняго времени спеціальный ученый журналъ на нѣмецкомъ языкѣ по исторіи Восточной Европы, П. М. Бубновъ высказываетъ мнѣніе, что и международные историческіе конгрессы должны были бы образовать, въ числѣ прочихъ секцій, спеціальную секцію по исторіи Восточной Европы, съ допущеніемъ въ ней, какъ для докладовъ, такъ и для дебатовъ не только русскаго, но и всѣхъ прочихъ славянскихъ языковъ. Что же касается общихъ собраній, то, „если ужъ покажется страшнымъ устранить запреты какого бы то ни было языка, предоставляя выборъ языка такту и собственному интересу докладчика, то уже во всякомъ случаѣ, въ интересахъ справедливости и самой науки исторіи Европы, которая безъ славянъ не будетъ исторической Европой, слѣдуетъ допустить, въ принципѣ по крайней мѣрѣ, языкъ русскій, имѣющій многовѣковое существованіе, многовѣковую литературу и уже по крайней мѣрѣ двухвѣковое и богатое научное прошлое. Хлопоты же о другомъ славянскомъ языкѣ слѣдуетъ предоставить заинтересованнымъ".

Таково вкороткѣ содержаніе доклада П. М. Бубнова. Докладъ

этотъ, одобренный сначала историко-филологическимъ факультетомъ, а затѣмъ и совѣтомъ Кіевскаго университета, былъ посланъ въ бюро лондонскаго конгресса, съ соотвѣтствующимъ офиціальнымъ представленіемъ, а также въ Императорскую Академію Наукъ и во всѣ русскіе университеты, съ предложеніемъ присоединиться къ постановленію кіевскихъ университетскихъ корпорацій по данному вопросу. Насколько выяснилось на лондонскомъ конгрессѣ, какъ Академія, такъ и всѣ университеты выразили свою принципіальную солидарность въ данномъ вопросѣ съ Кіевскимъ университетомъ, нѣкоторые (въ томъ числѣ и Академія), впрочемъ, съ оговоркой относительно несвоевременности практическаго осуществленія этого принципіальнаго рѣшенія на лондонскомъ же конгрессѣ; но этого вѣдь не имѣлъ въ виду и Кіевскій университетъ, какъ видно изъ проанализированнаго здѣсь доклада проф. П. М. Бубнова. Зато одинъ университетъ пошелъ въ данномъ вопросѣ даже дальше Кіевскаго. Именно, какъ мнѣ передавалъ лично на конгрессѣ проф. П. П. Квачала, одинъ изъ делегатовъ Юрьевскаго университета, совѣтъ послѣдняго, вполнѣ присоединяясь къ постановленію Кіевскаго университета, вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ желательнымъ настаивать на немедленномъ осуществленіи правъ русскаго языка уже на лондонскомъ конгрессѣ, и въ этомъ смыслѣ далъ своимъ делегатамъ соотвѣтствующія инструкціи. Впрочемъ, другой делегатъ Юрьевскаго университета на конгрессѣ, проф. Грюбарь, если только я правильно понялъ его слова, сказанныя имъ въ частномъ совѣщаніи русскихъ делегатовъ, о которомъ будетъ рѣчь впереди,— отклонилъ отъ себя это порученіе, и совѣтъ предоставилъ ему въ данномъ пунктѣ полную свободу дѣйствій. Что касается проф. П. П. Квачалы, то онъ, напротивъ, съ большой охотой принялъ на себя порученіе совѣта Юрьевскаго университета и, не дожидаясь общаго рѣшенія вопроса, лично для себя двукратно добился права говорить по-русски во время преній по секціоннымъ докладамъ. Оказалось, что это вовсе не такъ трудно: стоило только попросить предсѣдателя секціи, и онъ давалъ просимое разрѣшеніе. Не забудемъ, конечно, что проф. Квачалѣ приходилось имѣть дѣло съ предсѣдателями— англичанами, т. е. съ людьми, которые привыкли больше сообразоваться съ здравымъ смысломъ, чѣмъ съ чисто формальными требованіями. Въ одномъ изъ этихъ случаевъ, впрочемъ, предсѣдатель не взялъ на себя рѣшеніе вопроса, а предложилъ высказаться самой аудиторіи, которая дружными рукоплесканіями изъявила свою готовность выслушать замѣчанія проф. Квачалы на русскомъ языкѣ.

Нужно ли говорить, что проф. Квачала отнюдь не думалъ злоупотреблять полученнымъ правомъ и ограничивался каждый разъ лишь нѣсколькими русскими фразами, переходя затѣмъ на одинъ изъ „полноправныхъ“ языковъ. Говорю это отчасти со словъ проф. И. И. Квачалы, поскольку дѣло касается его перваго выступленія съ русскимъ языкомъ, отчасти какъ очевидецъ, поскольку дѣло касается второго аналогичнаго случая, имѣвшаго мѣсто въ седьмой секціи (исторія средневѣковой и новой культуры), послѣ доклада профессора Foster Watson'a, *Luis Vives in the Renaissace.* Какъ бы то ни было, это былъ первый случай, что русскій языкъ прозвучалъ, такъ сказать офиціально, на международномъ научномъ конгрессѣ. Важно, что былъ созданъ прецедентъ, и что этотъ прецедентъ имѣлъ мѣсто на нейтральной почвѣ, т. е. внѣ Россіи, и при томъ именно въ Англіи, т. е. въ странѣ, гдѣ *прецедентъ* игралъ всегда и продолжаетъ играть особенно важную роль, въ качествѣ созидателя *права.* Небезинтересно при этомъ отмѣтить одну, не лишенную характерности, подробность: это первое фактическое выступленіе за права русскаго языка было сдѣлано ученымъ-славяниномъ, но не русскимъ, такъ какъ проф. И. И. Квачала (хотя и съ архи-русскимъ именемъ-отчествомъ—Иванъ Ивановичъ), по происхожденію своему, западный славянинъ (словакъ). И это обстоятельство не лишено извѣстнаго значенія, такъ какъ придаетъ самому выступленію болѣе широкій и до извѣстной степени какъ бы символическій смыслъ. Русскій языкъ выступаетъ впервые на международномъ ученомъ съѣздѣ не за себя только, но и за славянскіе языки вообще,—не просто какъ русскій языкъ, но именно какъ славянскій,—какъ наиболѣе значительный изъ славянскихъ языковъ, на ряду съ двумя языками романскими и двумя германскими.

Какъ было принято на конгрессѣ выступленіе И. И. Квачалы? Не вызвало ли оно извѣстной сенсаціи, „разговоровъ“ (которыхъ мы, русскіе, такъ всегда боимся и всюду опасаемся)? Да ничего подобнаго! Первое выступленіе русскаго языка было встрѣчено присутствовавшими не только спокойно, но и сочувственно; къ нему отнеслись, какъ къ чему-то вполнѣ естественному, и внѣ тѣхъ двухъ секціонныхъ засѣданій, о которыхъ шла рѣчь, оно не вызвало, насколько мнѣ извѣстно, никакихъ толковъ и въ общемъ, можно даже сказать, прошло почти незамѣченнымъ. Оно не было даже отмѣчено лондонской прессой, дававшей, какъ я уже сказалъ, ежедневные отчеты о занятіяхъ конгресса. Будь это не въ Англіи, а въ какой-нибудь другой странѣ, возможно, что около выступленія И. И. Квачалы поднялся бы шумъ въ прессѣ, изъ него бы

создали „инцидентъ“, или даже цѣлую „исторію“. Но англійская атмосфера совершенно неблагопріятна для подобныхъ сенсацій, для занятія которыми у англичанъ слишкомъ мало свободнаго времени и слишкомъ много здраваго смысла. Англійская атмосфера, видимо, оказала свое успокоительное дѣйствіе даже и на тѣ изъ иноземныхъ элементовъ, которые въ другой обстановкѣ, несомнѣнно, отнеслись бы менѣе спокойно какъ къ данному выступленію, такъ и вообще къ поднятому русскими учеными коллегіями вопросу о правахъ русскаго языка на международныхъ ученыхъ съѣздахъ, — вопросу, который сталъ извѣстнымъ конгрессистамъ съ первыхъ же дней конгресса, такъ какъ напечатанный на двухъ языкахъ (рус. и фр.) докладъ проф. П. М. Бубнова былъ выложенъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ на одномъ изъ столовъ въ помѣщеніи бюро конгресса, для безплатной раздачи всѣмъ интересующимся членамъ конгресса, на ряду съ другими печатными брошюрами, проспектами и т. п.

Умѣряющее и успокаивающее дѣйствіе англійской атмосферы не было, къ сожалѣнію, въ достаточной мѣрѣ оцѣнено и учтено частью русскихъ делегатовъ, которые вполнѣ серьезно опасались какихъ либо непріятныхъ инцидентовъ, въ случаѣ возбужденія даннаго вопроса на одномъ изъ общихъ собраній конгресса. Среди части русскихъ делегатовъ сложилось поэтому мнѣніе, что всего лучше вовсе не давать хода этому дѣлу и не поднимать вопроса о русскомъ языкѣ на общемъ собраніи конгресса, а просто передать поступившее по этому дѣлу представленіе Кіевскаго университета, вмѣстѣ съ прочими дѣлами конгресса, организаціонному комитету ближайшаго будущаго конгресса.

Въ виду обнаружившагося разногласія на этотъ счетъ въ средѣ русскихъ делегатовъ, было рѣшено устроить частное совѣщаніе для обмѣна мнѣній между послѣдними и для принятія того или другого опредѣленнаго рѣшенія. Организовать такое совѣщаніе взялъ на себя нашъ соотечественникъ, прежде профессоръ Московскаго университета, нынѣ проф. Оксфордскаго университета, Павелъ Гавриловичъ Виноградовъ, который былъ въ то время однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ какъ Организаціоннаго, такъ и Исполнительнаго Комитетовъ конгресса (а также предсѣдателемъ одной изъ его секцій). Благодаря тому, что однимъ изъ лондонскихъ клубовъ, Reform Club, членомъ котораго состоитъ П. Г. Виноградовъ, русскіе делегаты были выбраны въ почетные члены (на мѣсячный срокъ), явилась возможность устроить собраніе въ помѣщеніи названнаго клуба. На совѣщаніе, состоявшееся

вечеромъ 5-го апрѣля н. с. и затянувшееся за полночь, собрались слѣдующіе делегаты русскихъ ученыхъ учрежденій (въ алфавитномъ порядкѣ): *П. Н. Ардашевъ* (Кіевскій университетъ), *гр. А. А. Бобринскій* (Императорская Археологическая Комиссія), *Н. М. Бубновъ* (Кіевскій университетъ), *В. Э. Грабарь* (Юрьевскій университетъ), *В. Ф. Дерюжинскій* (Петербургскій университетъ), *Ф. Ф. Зигель* (Варшавскій университетъ), *баронъ С. А. Корфъ* (Гельсингфорскій университетъ), *А. С. Лаппо-Данилевскій* (Императорская Академія Наукъ), *П. П. Митрофановъ* (Историко-филологическій институтъ), *Е. М. Придикъ* (Императорскій Эрмитажъ), *М. И. Ростовцевъ* (Петербургскій университетъ), *Е. В. Тарле* (Петербургскій университетъ), *Б. В. Фармаковскій* (Императорская Археологическая Комиссія). По единогласной просьбѣ собравшихся, П. Г. Виноградовъ принялъ на себя обязанности предсѣдателя. Послѣ горячихъ дебатовъ, обнаружившихъ съ самаго начала наличность двухъ противоположныхъ мнѣній въ средѣ собранія, благодаря господствовавшей въ преніяхъ безусловной корректности, духу уваженія къ чужимъ мнѣніямъ и одушевлявшему все собраніе желанію придти къ тому или другому единодушному рѣшенію, а также благодаря высокому безпристрастію и безупречному такту предсѣдателя, въ концѣ концовъ была найдена та примиряющая формула, на которой, послѣ взаимныхъ уступокъ, сошлись всѣ, и въ концѣ концовъ было единогласно принято рѣшеніе—предложить, чрезъ Исполнительный Комитетъ конгресса, ближайшему (въ то же время и послѣднему) общему собранію послѣдняго: 1) признать въ принципѣ допустимость на будущихъ международныхъ историческихъ конгрессахъ также и другихъ языковъ, кромѣ уже допущенныхъ четырехъ; 2) признать въ частности допустимость русскаго языка, и въ случаѣ положительнаго рѣшенія этого вопроса, 3) передать детальную разработку его, въ видахъ практическаго примѣненія означеннаго принципіальнаго рѣшенія, организаціонному комитету ближайшаго будущаго конгресса, имѣющаго собраться черезъ пять лѣтъ (въ 1918 г.). Предложеніе, сдѣланное въ этомъ смыслѣ отъ имени исполнительнаго комитета президентомъ конгресса, проф. Уордомъ, въ послѣднемъ общемъ собраніи, утромъ 9-го апрѣля н. с., не встрѣтило, вопреки ожиданіямъ пессимистовъ, никакихъ возраженій и было принято единогласно, par acclamation.

Въ томъ же засѣданіи было единогласно принято и покрыто оживленными аплодисментами собранія предложеніе русскихъ делегатовъ—назначить мѣстомъ ближайшаго будущаго конгресса Петер-

бургъ. Предложеніе это также имѣетъ свою исторію, которую я и разскажу здѣсь въ главныхъ чертахъ. Вопросъ о созывѣ будущаго съѣзда въ Россію возникъ на конгрессѣ совершенно неожиданно для русскихъ делегатовъ и, можно сказать, захватилъ ихъ врасплохъ; о немъ вовсе не думали ни сами делегаты, отправляясь въ Лондонъ, ни ученыя корпораціи, командировавшія послѣднихъ. Въ результатѣ, русскіе делегаты явились на конгрессъ, такъ сказать, съ голыми руками, не заручившись соотвѣтствующими полномочіями, чѣмъ и были поставлены въ затруднительное положеніе. Тѣмъ не менѣе создалась такая ситуація, при которой русскіе делегаты признали себя морально вынужденными сдѣлать на свой рискъ и страхъ тотъ шагъ, на который они рѣшились, сдѣлавши конгрессу упомянутое предложеніе. Какъ бы то ни было, пишущему эти строки вопросъ о приглашеніи будущаго конгресса въ Россію сдѣлался извѣстнымъ впервые лишь на упомянутомъ частномъ совѣщаніи русскихъ делегатовъ въ Reform-Club'ѣ. При обмѣнѣ мнѣній по этому вопросу обнаружились съ самаго начала два теченія, изъ которыхъ одно можно назвать пессимистическимъ, другое оптимистическимъ. Сторонники перваго, къ числу которыхъ принадлежалъ первоначально и пишущій эти строки, высказывались противъ „русскаго приглашенія", въ виду, съ одной стороны— отсутствія надлежащихъ полномочій у русскихъ делегатовъ и фактической невозможности заручиться такими полномочіями, вслѣдствіе спѣшности вопроса и отсутствія необходимаго для сношеній съ соотвѣтствующими русскими учрежденіями времени, съ другой стороны— въ виду того, что послѣ столь блестящаго конгресса, какимъ вышелъ лондонскій, брать устройство съѣзда въ Россіи значило бы рисковать создать невыгодное для себя сравненіе. Указывалось наконецъ и на то, что для устройства большого международнаго ученаго съѣзда въ томъ масштабѣ, какого достигли послѣдніе съѣзды историковъ въ Берлинѣ и особенно въ Лондонѣ, необходимы значительныя денежныя средства, далеко превышающія тѣ, которыя могутъ поступить отъ членскихъ взносовъ конгрессистовъ, а русскія ученыя коллегіи и безъ того страдаютъ безденежьемъ. Оптимисты, къ числу которыхъ принадлежали петербургскіе делегаты, встрѣтившіе себѣ поддержку и со стороны нашего предсѣдателя П. Г. Виноградова, возражали пессимистамъ указаніемъ на прецеденты, когда аналогичныя приглашенія международныхъ ученыхъ конгрессовъ имѣли мѣсто безъ предварительныхъ формальныхъ полномочій, которыя въ большинствѣ случаевъ обыкновенно и отсутствуютъ; вопросъ о приглашеніи въ ту

или другую страну обыкновенно рѣшается на основаніи того господствующаго настроенія на данномъ съѣздѣ, того vox populi, который выясняется въ теченіе съѣзда изъ частныхъ разговоровъ между учеными различныхъ націй, въ частныхъ собраніяхъ, кружкахъ и т. п. Въ данномъ же случаѣ, какъ утверждали категорически нѣкоторые изъ русскихъ делегатовъ, а также и хорошо поставленный по своему положенію (какъ членъ Организаціоннаго и Исполнительнаго Комитетовъ конгресса) для необходимыхъ въ данномъ случаѣ наблюденій, П. Г. Виноградовъ, выяснилось съ несомнѣнностью, что господствовавшее среди конгрессистовъ настроеніе, особенно же среди англичанъ, а также французовъ и нѣмцевъ, было въ пользу Россіи предпочтительно передъ другими очередными странами. Указывалось на то, что отъ русскихъ делегатовъ „ждутъ приглашенія", и отсутствіе таковаго, при сложившемся общемъ настроеніи, можетъ вызвать въ средѣ конгресса чувство разочарованія и вмѣстѣ съ тѣмъ нанести тяжелый ударъ репутаціи Россіи, какъ культурной страны. А другой разъ подобное благопріятное для русскихъ настроеніе можетъ не повториться, и Россія можетъ оказаться, такъ сказать, за бортомъ того культурнаго общенія, которое связано съ очередными передвиженіями международныхъ историческихъ конгрессовъ. А между тѣмъ какъ разъ мы, русскіе, собираемся выступать офиціально съ притязаніями на равноправіе нашего языка съ европейскими. Всѣ эти соображенія сильно пошатнули позицію „пессимистовъ". Вмѣстѣ съ „оптимистами" мы, всѣ русскіе делегаты, чувствовали, что „русское приглашеніе", при выяснившейся ситуаціи, являлось для насъ, русскихъ делегатовъ, культурнымъ и патріотическимъ долгомъ, уклониться отъ котораго путемъ ссылки на формальныя затрудненія мы считали себя морально не въ правѣ. Наконецъ, какъ высказалъ П. Г. Виноградовъ, и съ чѣмъ нельзя было не согласиться, если мы, сошедшіеся здѣсь, на лондонскомъ Pall Mall (названіе улицы, гдѣ находится цѣлый рядъ лондонскихъ клубовъ, въ томъ числѣ и Reform-Club), съ разныхъ концовъ Россіи, люди науки, при томъ люди различныхъ міровоззрѣній и частью даже противоположныхъ партійныхъ направленій,— если мы придемъ здѣсь къ единодушному рѣшенію, то это будетъ означать, что мы выразимъ настроеніе по данному вопросу какъ делегировавшихъ насъ коллегій, такъ и болѣе широкихъ круговъ русскаго культурнаго общества; не имѣя формальныхъ полномочій, морально мы являемся представителями и нашихъ ученыхъ коллегій и всего культурнаго русскаго общества. Недостающія предварительныя

полномочія русскія ученыя коллегіи могутъ замѣнить послѣдующей санкціей, въ которой онѣ, конечно, не откажутъ своимъ делегатамъ, выслушавъ ихъ обстоятельный отчетъ [1]). И тѣ общественные круги, которые интересуются успѣхами русской науки и русской культуры, точно также не откажутъ въ своемъ содѣйствіи успѣху будущаго международнаго ученаго съѣзда, какъ англійское общество съ своей стороны содѣйствовало успѣху послѣдняго конгресса. А разъ мы, русскіе ученые, сумѣемъ заинтересовать въ этомъ дѣлѣ широкіе круги русскаго культурнаго общества, то и вопросъ о матеріальныхъ средствахъ не представится столь безнадежнымъ, какъ онъ могъ показаться „пессимистамъ". На матеріальныя нужды конгресса могутъ откликнуться, по мѣрѣ своихъ средствъ, и ученыя коллегіи, начиная съ Императорской Академіи Наукъ, и министерство народнаго просвѣщенія и наши законодательныя учрежденія, а также городское управленіе нашей столицы. Наконецъ, вѣдь и вопросъ-то сводится въ послѣднемъ счетѣ къ тому, чтобы добыть какихъ-нибудь 25—30 тысячъ рублей, и это разъ въ 25—30 лѣтъ, такъ какъ врядъ ли раньше этого срока возобновится опять очередь Россіи по устройству международнаго историческаго конгресса. А при наличности общественнаго сочувствія и необходимыхъ средствъ мы, русскіе ученые, можемъ сказать съ увѣренностью, что не ударимъ въ грязь лицомъ передъ международнымъ ученымъ міромъ, въ качествѣ хозяевъ, какъ до сихъ поръ, благодаря Бога, не ударяли лицомъ въ качествѣ гостей. Русскіе делегаты на предыдущихъ конгрессахъ не отставали ни количественно (пропорціонально, конечно), ни качественно отъ своихъ иноземныхъ коллегъ, на послѣднемъ же, лондонскомъ конгрессѣ, они, не смотря на свою сравнительную малочисленность, проявили настолько дѣятельное участіе въ трудахъ конгресса, что это обстоятельство было отмѣчено въ заключительной рѣчи президента конгресса, проф. Уорда. А русское общество, если только его расшевелить, конечно не уступитъ англійскому по части гостепріимства.

Подъ натискомъ столькихъ соображеній пессимисты, которые были явно въ ничтожномъ меньшинствѣ, отказались отъ дальнѣйшей, совершенно безнадежной защиты своихъ позицій и сложили свое оружіе. Въ концѣ концовъ, и въ данномъ вопросѣ собраніе, начавъ съ ожив-

---

[1]) Эта надежда уже оправдалась относительно университета св. Владиміра, совѣтъ котораго, заслушавъ мой докладъ о лондонскомъ конгрессѣ, единогласно одобрилъ предпринятые его делегатами шаги, въ томъ числѣ и приглашеніе будущаго историческаго конгресса въ Россію.

ленныхъ дебатовъ, пришло къ единогласному и даже, можно сказать, *единодушному* рѣшенію: предложить, чрезъ Исполнительный Комитетъ конгресса, послѣднему общему собранію его — назначить мѣстомъ ближайшаго будущаго конгресса Петербургъ. Предложеніе это, сдѣланное президентомъ конгресса въ заключительномъ засѣданіи 9-го апрѣля и поддержанное англичанами, американцами, французами, нѣмцами и австрійцами, было принято безъ дебатовъ, par acclamation, и покрыто дружными аплодисментами собранія.

Заключеніе.

Въ заключеніе позволю себѣ высказать нѣсколько замѣчаній относительно того значенія, какое минувшій лондонскій конгрессъ могъ бы имѣть для русскихъ организаторовъ будущаго конгресса въ Петербургѣ. Во многихъ отношеніяхъ лондонскій конгрессъ можетъ служить образцомъ, къ которому желательно приблизиться; въ чемъ именно, это ясно, надѣюсь, изъ предыдущаго. Здѣсь я позволю себѣ остановиться на тѣхъ сторонахъ лондонскаго конгресса (въ значительной мѣрѣ унаслѣдованныхъ имъ отъ предыдущихъ конгрессовъ), которыя являются слабыми, и въ которыя желательно было бы, уже съ ближайшаго же будущаго конгресса, внести соотвѣтствующія поправки и дополненія. Прежде всего, въ организаціи минувшихъ конгрессовъ имѣются два серьезныхъ дефекта, которые, мнѣ кажется, устранить будетъ не трудно. Первый дефектъ въ томъ, что организаціонный комитетъ *международнаго* конгресса носилъ исключительно *національный*, англійскій характеръ. Не говоря уже о неудобствѣ этого съ чисто принципіальной точки зрѣнія, этотъ исключительно англійскій характеръ имѣлъ и фактически довольно ощутительные отрицательные результаты. Достаточно указать хотя бы на своеобразное недоразумѣніе, происшедшее съ приглашеніемъ французскихъ ученыхъ, имѣвшее своимъ слѣдствіемъ крайне слабое участіе послѣднихъ въ конгрессѣ. Вполнѣ очевидно, что имѣй организаціонный комитетъ въ своей средѣ нѣсколькихъ представителей ученаго міра Франціи, и выше упомянутое недоразумѣніе, съ его отрицательными послѣдствіями, не имѣло бы мѣста. Да и вообще, при наличности представителей различныхъ національныхъ ученыхъ міровъ въ организаціонномъ комитетѣ и самый конгрессъ, несомнѣнно, могъ бы получить болѣе международный и, такъ сказать, міровой и не столь преобладающе національный и мѣстный характеръ, какъ это вышло съ лондонскимъ конгрессомъ. Было бы желательно, чтобы русскій организаціонный комитетъ будущаго

петербургскаго конгресса не повторилъ этой ошибки своихъ предшественниковъ и заблаговременно озаботился привлеченіемъ къ дѣятельному участію въ подготовкѣ и организаціи конгресса, хотя бы въ качествѣ своихъ членовъ-корреспондентовъ, иностранныхъ ученыхъ. Послѣдніе могли бы образовать мѣстные подготовительные комитеты, которые бы служили одновременно и полезными сотрудниками центральнаго петербургскаго комитета, и вмѣстѣ посредниками между русскимъ ученымъ міромъ и учеными мірами иноземными. Нѣчто подобное, насколько мнѣ извѣстно, уже и практикуется нѣкоторыми изъ ученыхъ международныхъ конгрессовъ.

Другой организаціонный дефектъ предшествующихъ историческихъ конгрессовъ, это—отсутствіе постояннаго органа, который бы служилъ связующимъ звеномъ между послѣдовательными конгрессами. Между тѣмъ такой органъ, такой, скажемъ, постоянный комитетъ изъ небольшого хотя бы числа членовъ, независимо отъ другихъ своихъ полезныхъ сторонъ, могъ бы въ значительной мѣрѣ облегчить процедуру созыва очередныхъ конгрессовъ, а также содѣйствовать постепенному улучшенію организаціи конгрессовъ, которую далеко нельзя признать совершенной.

Далѣе, необходимо болѣе упорядочить научно-дѣловую сторону конгрессовъ, рискующихъ совершенно потонуть въ океанѣ рефератной вермишели, столь же пестрой и хаотической, сколько и неспособной заинтересовать сколько-нибудь широкіе ученые круги. Пустующія аудиторіи во время докладовъ и безмолвіе, ихъ сопровождающее (а этотъ печальный фактъ приходится признать за очень большимъ количествомъ секціонныхъ докладовъ, если не за большинствомъ ихъ), нельзя конечно приписывать однимъ лишь внѣшнимъ дефектамъ матеріальной обстановки конгресса (разбросанность помѣщеній и проч.); приходится признать и наличность слабой притягательной силы самыхъ докладовъ, въ подавляющемъ большинствѣ черезчуръ мелкихъ и случайныхъ. Для любителей ученаго крохоборства существуютъ вѣдь особыя спеціальныя изданія, ученые журналы, сборники, предназначенные служить складами строительныхъ матеріаловъ для возведенія различныхъ частей великаго зданія человѣческой исторіи; международный ученый съѣздъ для подобной роли склада совершенно не пригоденъ, что онъ довольно недвусмысленно и высказалъ молчаливымъ бойкотомъ докладовъ этого типа. Но вѣдь ученые съѣзжаются не для бойкота рефератовъ, а для ихъ выслушанія и обсужденія. Какой же отсюда выводъ? А выводъ, мнѣ кажется, тотъ, что надо

обезпечить конгрессу доклады, стоящіе его вниманія и обсужденія и, напротивъ, обезпечить его отъ такихъ рефератовъ, которые способны лишь вызвать его бойкотъ. Періодическіе международные ученые конгрессы, подобно всемірнымъ выставкамъ, должны являться періодическими смотрами успѣховъ, достигнутыхъ въ данной научной области за истекшій промежутокъ времени, и давать въ главныхъ линіяхъ полную картину ея состоянія въ каждый данный моментъ. Какъ этого достигнуть, это вопросъ, надъ которымъ стоитъ серьезно подумать организаторамъ ближайшихъ историческихъ конгрессовъ.

Было бы однако слишкомъ поспѣшнымъ объяснять замѣчавшееся на лондонскомъ конгрессѣ, какъ и на предыдущихъ, безучастное отношеніе аудиторіи ко многимъ докладамъ исключительно свойствами послѣднихъ и слабымъ интересомъ къ нимъ со стороны слушателей. Несомнѣнно, что обмѣнъ мнѣній возникалъ бы чаще и оживленнѣе, если бы возможныхъ участниковъ такого обмѣна не стѣсняло различіе языковъ. Лицъ, свободно владѣющихъ чужими языками, и въ частности—не-англичанъ, владѣющихъ англійскимъ языкомъ, было на послѣднемъ конгрессѣ сравнительно немного, между тѣмъ подавляющее большинство докладовъ были на англійскомъ языкѣ, который труденъ для пониманія по слуху даже для тѣхъ, кто свободно читаетъ по англійски и даже можетъ самъ объясняться на этомъ языкѣ. Кромѣ неувѣренности въ своемъ умѣньи сказать правильно то, что хочется, зачастую человѣкъ себя чувствуетъ стѣсненнымъ мыслью—правильно ли онъ понялъ то, что слышалъ, и въ результатѣ—единодушное молчаніе собранія на вопросъ предсѣдателя, не желаетъ ли кто высказаться по поводу заслушаннаго доклада. Говорить же на своемъ языкѣ (что возможно было, правда, только для англичанъ, нѣмцевъ, французовъ и итальянцевъ) или на чужомъ, но не на томъ, на которомъ читался докладъ, тоже многихъ, видимо, стѣсняло, да и мало имѣло бы смысла, такъ какъ большинство докладчиковъ были англичане, то-есть люди, лишь въ видѣ исключенія владѣющіе практически иностранными языками. Слѣдовало бы въ каждой секціи имѣть по одному или по два присяжныхъ переводчика, владѣющихъ однимъ или двумя иностранными языками. Если это, быть можетъ, оказалось бы затруднительнымъ осуществить въ Лондонѣ, то въ Петербургѣ, для будущаго конгресса, выполненіе подобной задачи не встрѣтило бы, разумѣется, никакихъ затрудненій. Скажу къ слову, что и на лондонскомъ конгрессѣ имѣлся одинъ полиглоттъ, или точнѣе—полиглоттка, говорившая кромѣ своего родного, еще на трехъ евро-

нейскихъ языкахъ, и что эта единственная полиглоттка была наша соотечественница (г-жа Толочинова-Григоревская), оказавшая огромныя услуги иностраннымъ конгрессистамъ всѣхъ націй, особенно же русскимъ, въ канцеляріи конгресса. Попробуйте прикомандировать къ бюро каждой секціи по одному такому полиглотту, и вы увидите, какъ, вмѣсто молчаливыхъ похоронъ, доклады будутъ сопровождаться оживленнымъ обмѣномъ мнѣній между учеными разныхъ націй, а въ такомъ именно обмѣнѣ мнѣній, вѣдь, и заключается главный смыслъ всякаго международнаго ученаго съѣзда, поскольку имѣется въ виду его научно-дѣловая сторона.

Укажу еще на одинъ организаціонный дефектъ, который желательно исправить въ будущемъ. Это—крайняя запоздалость и неполнота регистраціонной части, особенно ярко обнаружившаяся на послѣднемъ конгрессѣ. Къ открытію конгресса не успѣли, напримѣръ, составить и отпечатать полнаго и сколько-нибудь исправнаго списка его членовъ. Списки докладовъ тоже запоздали и раздавались уже на мѣстѣ, по мѣрѣ прибытія конгрессистовъ. Между тѣмъ въ интересахъ дѣла крайне важно, чтобы вопросы, подлежащіе обсужденію на конгрессѣ, были всѣмъ интересующимся извѣстны заблаговременно. Вѣдь всякій конгрессъ подготовляется задолго, и слѣдовательно есть возможность установить такой срокъ для заявленія докладовъ, чтобы бюро конгресса имѣло возможность во-время составить полный и точный списокъ докладовъ и въ отпечатанномъ видѣ разослать его заблаговременно всѣмъ конгрессистамъ (которые вѣдь тоже могутъ записаться заблаговременно, скажемъ—хотя бы за полгода до конгресса) и приглашаемымъ на конгрессъ ученымъ учрежденіямъ. Было бы еще лучше, если бы печатался и разсылался заблаговременно не голый списокъ темъ будущихъ докладовъ, а вмѣстѣ съ краткимъ résumé содержанія послѣднихъ и ихъ главныхъ положеній. На лондонскомъ конгрессѣ такія résumé докладовъ печатались, но опять-таки слишкомъ поздно, для того чтобы дать полезный результатъ: такія résumé на отдѣльныхъ листочкахъ раздавались обыкновенно уже во время чтенія самаго доклада. Если бы тѣ же листки да были напечатаны своевременно и были разосланы заблаговременно, то результатомъ было бы, несомнѣнно, значительное оживленіе научно-дѣловой жизни конгресса, и большинство докладовъ не имѣло бы, какъ это было на лондонскомъ конгрессѣ, печальной судьбы—вызывать, вмѣсто оживленнаго обмѣна мнѣній по затронутому вопросу ученыхъ различныхъ націй, гробовое молчаніе... и переходъ къ слѣдующему

очередному докладу, имѣвшему зачастую такую же судьбу. И опять-таки исправить дѣло вовсе не такъ ужъ трудно. Стоитъ только назначить соотвѣтствующій срокъ для заявленія докладовъ и потребовать одновременно представленія краткаго résumé послѣднихъ въ предѣлахъ, скажемъ, отъ одной страницы до двухъ, и поставить объ этомъ своевременно въ извѣстность, кого слѣдуетъ.

Разъ я коснулся здѣсь научно-дѣловой стороны историческихъ конгрессовъ, то позволю себѣ отмѣтить и еще одну подробность, нуждающуюся, кажется мнѣ, въ поправкѣ. Изъ того обстоятельства, что въ числѣ заявленныхъ и прочитанныхъ на послѣднемъ конгрессѣ докладовъ были такіе, которые либо представляли мало интереса, либо имѣли даже сомнительный въ научномъ смыслѣ характеръ, я заключаю, что доклады допускались къ чтенію безъ всякаго выбора. Между тѣмъ, принимая во вниманіе ограниченность времени, которымъ располагаетъ конгрессъ, было бы желательно, чтобы оно не тратилось зря, на доклады, которые съ успѣхомъ могли бы оставаться въ портфеляхъ своихъ авторовъ. Если требуется извѣстный художественный цензъ отъ выставляемыхъ на выставкѣ картинъ, то почему бы и къ докладамъ, этимъ ученымъ экспонатамъ, не предъявлять подобнаго же требованія—научнаго ценза? Конечно, авторы докладовъ, имѣющіе ученый цензъ, въ видѣ ли ученой степени или въ видѣ извѣстнаго въ наукѣ имени, не нуждаются въ особомъ цензѣ для своихъ докладовъ; но доклады лицъ, только претендующихъ на ученость, но ничѣмъ ее не доказавшихъ, нуждаются, по-моему, въ предварительной установкѣ своего научнаго удѣльнаго вѣса. Какъ это сдѣлать, это, разумѣется, особый вопросъ, но во всякомъ случаѣ—вопросъ, надъ которымъ и стоитъ и слѣдуетъ крѣпко подумать организаторамъ будущаго историческаго конгресса.

Наконецъ, было бы желательно изыскать способы и средства для опубликованія трудовъ будущаго историческаго конгресса, или по крайней мѣрѣ—хотя бы наиболѣе важныхъ изъ нихъ. До сихъ поръ только труды перваго историческаго конгресса, римскаго, были напечатаны; труды слѣдующаго, берлинскаго, остались не напечатанными, за исключеніемъ отдѣльныхъ докладовъ, появившихся потомъ либо въ видѣ статей въ ученыхъ журналахъ, либо въ видѣ отдѣльныхъ книгъ и брошюръ. Что касается послѣдняго, лондонскаго конгресса, то вопросъ о напечатаніи трудовъ его оставался открытымъ до конца конгресса, и получилъ ли онъ то или другое рѣшеніе въ настоящее время, мнѣ неизвѣстно. Нѣкоторые изъ членовъ Испол-

нительнаго Комитета конгресса высказывали предположеніе, что, быть можетъ, доклады, прочитанные на немъ, будутъ напечатаны въ сокращенномъ видѣ. Впрочемъ, часть докладовъ уже появилась въ печати. Таковы: *N. Jorga*, Les bases nécessaires d'une nouvelle histoire du moyen âge и его же — La survivance byzantine dans les pays roumains (оба доклада напечатаны вмѣстѣ, въ видѣ одной брошюры: Bucharest, 1913, édition du Ministère de l'instruction publique); *Alex. Cartellieri*, Philipp II August und der Zusammenbruch des Angevinischen Reiches (Leipzig, 1913); *Felix Liebermann*, The national Assembly in the Anglosaxon Period (Halle, 1913).

—

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Организація и личный составъ конгресса 4

II. Научно-дѣловая сторона дѣятельности конгресса. 12

III. Лондонскій конгрессъ со стороны культурно-общественной. . . . 27

IV. Вопросъ о русскомъ языкѣ на международныхъ историческихъ конгрессахъ и приглашеніе ближайшаго конгресса въ Россію. . 43

V. Заключительныя замѣчанія 54

Книги и брошюры проф. П. Н. Ардашева,

ИМѢЮЩІЯСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ.

Переписка Цицерона, какъ источникъ для исторіи Юлія Цезаря. Москва, 1890. **Цѣна 2 р.** (Студенческое сочиненіе, удостоенное Историко-филологическимъ факультетомъ Московскаго Университета золотой медали).

Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка. Провинціальные интенданты. Томъ I. Спб. 1900. **Цѣна 2 р. 50 к.** Томъ II. Кіевъ, 1906. **Ц. 2 р. 75 к.** (Удостоено Императорской Академіей Наукъ преміи митрополита Макарія и Московскимъ университетомъ преміи С. М. Соловьева).

Абсолютная монархія на Западѣ. Спб. 1902. **Цѣна 1 р.**

Мѣсяцъ во французской провинціи (Шампани). Изъ дневника П. Н. Ардашева. Юрьевъ, 1903. **Цѣна 50 к.**

О прогрессѣ въ исторической наукѣ. Вступительная лекція. Кіевъ, 1904. **Цѣна 35 к.**

Администрація и общественное мнѣніе во Франціи передъ революціей. 1905. **Цѣна 75 к.**

Разборъ книги А. Ону: „Выборы 1789 г. во Франціи и наказы третьяго сословія“. Спб. 1909. **Цѣна 40 к.**

Нѣсколько словъ по поводу книги проф. Олара о Тэнѣ. Кіевъ, 1910. **Цѣна 10 к.**

Французскій Bailli и его римскіе и византійскіе предки. Кіевъ, 1910. **Цѣна 20 к.**

Исторія Западной Европы въ новѣйшее время. (Дополненіе къ лекціямъ по всемірной исторіи проф. Петрова). Часть I. Спб. 1910. **Цѣна 1 р. 40 к.**—Часть II. Спб. 1910. **Цѣна 1 р. 60 к.**

Похвала Глупости. Сатира Эразма Роттердамскаго. Переводъ съ латинскаго съ примѣч. проф. П. Н. Ардашева. Изданіе третье. Кіевъ, 1911. **Цѣна 50 к.**

Націонализмъ на Западѣ. Его историческое происхожденіе и главнѣйшіе моменты его развитія. Кіевъ, 1911. **Цѣна 25 к.**

Les Intendants de province sous Louis XVI. Traduit du russe, sous la direction de l'auteur, par Louis Jousserandot. Paris, 1909. **Prix 10 fr.**

Les Intendants de province sous Louis XVI. Pièces justificatives. Youriev (Dorpat), s. d. (1903). **Цѣна 2 р. 75 к.**

39782

Цѣна 50 коп.

2007056120